ФУТУРИСТЫ

РЫКАЮЩІЙ ПАРНАСЪ

ДѢЯТЕЛИ КНИГИ: СТИХИ: Д. БУРЛЮКЪ Б. ЛИВШИЦЪ КРУЧЕНЫХЪ ИГОРЬ Е. ГУРО (†)
Н. БУРЛЮКЪ КАМЕНСКІЙ МАЯКОВСКІЙ А. КРУЧЕНЫХЪ В. ХЛѢБНИКОВЪ СѢВЕРЯНИНЪ

РИСУНКИ: Д. БУРЛЮКЪ ИВАНЪ ПУНИ В. БУРЛЮКЪ ПАВЕЛЪ ФИЛОНОВЪ

Музыкальный ключъ: ЕЛАЧИЧЪ. О. РОЗАНОВА

ИДИТЕ КЪ ЧОРТУ.

Вашъ годъ прошелъ со дня выпуска 1-хъ нашихъ книгъ: „Пощечина“, „Громокипящій кубокъ“, „Садокъ Судей“ и др.

Появленіе Новыхъ поэзій подѣйствовало на еще ползающихъ старичковъ русской литературочки какъ бѣломраморный Пушкинъ танцующій танго.

Коммерческіе старики тупо угадали раньше одурачиваемой ими публики цѣнность новаго и „по привычкѣ“ посмотрѣли на насъ карманомъ.

К. Чуковскій (тоже не дуракъ!) развозилъ по всѣмъ ярмарочнымъ городамъ ходкій товаръ: имена Крученыхъ Бурлюковъ, Хлѣбникова...

Ѳ. Сологубъ схватилъ шапку И. Сѣверянина, чтобы прикрыть свой облысѣвшій талантикъ.

Василій Брюсовъ привычно жевалъ страницами „Русской Мысли“ поэзію Маяковскаго и Лившица.

Брось, Вася, это тебѣ не пробка!..

Не затѣмъ ли старички гладили насъ по головкѣ, чтобы изъ искръ нашей вызывающей поэзіи наскоро сшить себѣ электро-поясъ для общенія съ музами?..

Эти субъекты дали поводъ табуну молодыхъ людей, раньше безъ опредѣленныхъ занятій, наброситься на литературу и показать свое гримасничающее лицо: обсвистанный вѣтрами «Мезонинъ поэзіи», «Петербургскій глашатай» и др.

А рядомъ выползала свора адамовъ съ проборомъ — Гумилевъ, С. Маковскій, С. Городецкій, Пястъ, попробовавшая прицѣпить вывѣску акмеизма и аполлонизма на потускнѣвшія пѣсни о тульскихъ самоварахъ и игрушечныхъ львахъ, а потомъ начала кружиться пестрымъ хороводомъ вокругъ утвердившихся футуристовъ...

Сегодня мы выплевываемъ навязшее на нашихъ зубахъ прошлое, заявляя:

1) Всѣ футуристы объединены только нашей группой.

2) Мы отбросили наши случайныя клички эго и кубо и объединились въ единую литературную компанію футуристовъ:

Давидъ Бурлюкъ, Алексѣй Крученыхъ, Бенедиктъ Лившицъ, Владимиръ Маяковскій, Игорь Сѣверянинъ, Викторъ Хлѣбниковъ.

Владимiръ Бурлюкъ.

АВТОПОРТРЕТЪ.

ВЛАДИМІРЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ

МАЯКОВСКІЙ.

Стихи.

НАТЕ!

Черезъ часъ отсюда въ чистый переулокъ
Вытечетъ по человѣку вашъ обрюзгшій жиръ,
А я вамъ открылъ столько стиховъ шкатулокъ,
Я, безцѣнныхъ словъ мотъ и транжиръ.

Вотъ вы, мужчины—у васъ въ усахъ капуста
Гдѣ то недокушанныхъ недоѣденныхъ щей.
Вотъ вы, женщины: на васъ бѣлила густо,
Вы смотрите устрицами изъ раковинъ вещей.

И всѣ вы на бабочку поэтинаго сердца
Взгромоздитесь грязные, въ калошахъ и безъ калошъ.
Толпа озвѣрѣетъ и будетъ тереться,
Ощетинитъ ножки стоглавая вошь.

А если сегодня мнѣ, неотесанному гунну,
Кривляться передъ вами не захочется—и вотъ
Я захохочу и радостно плюну, плюну въ лицо вамъ,
Безцѣнныхъ словъ Я—транжиръ и мотъ.

ПРОБИВАЯСЬ КУЛАКАМИ.

Я подошелъ къ зеркалу,
Сказалъ спокойно:
«Будьте добры, причешите мнѣ уши».
Гладкій парикмахеръ вдругъ сдѣлался хвойный,
Лицо вытянулось, какъ у груши,
Сумасшедшій!
Рыжій!
Запрыгали слова.
Ругань врывалась отъ писка до писка.
И до-о-олго
Хихикала
Чья-то голова,
Выдергиваясь изъ толпы, какъ старая редиска.

ДАВИДЪ ДАВИДОВИЧЪ

БУРЛЮКЪ.

ДОИТЕЛЬ ИЗНУРЕННЫХЪ ЖАБЪ

ЦИКЛЪ СТИХОВЪ.

Тамъ вопли славословій глуше
Среди возвышенныхъ громадъ

Глубился въ склепѣ, скрывался въ башнѣ
И УЛОВЛЯЛЪ пѣвучесть стрѣлъ,
Мечталъ о нѣжной весенней пашнѣ
И какъ костеръ ночной горѣлъ.
А въ вышинѣ УЗОРЪ СОЗВѢЗДІЙ
Чуть трепеталъ, НО соблазнялъ
И приближалъ укоръ возмездій,
Даря отравленный фіалъ.
Была душа больна ПРОКАЗОЙ
О, пресмыкающійся рабъ,
Сатиръ несчастный, одноглазой,
ДОИТЕЛЬ ИЗНУРЕННЫХЪ ЖАБЪ

И вотъ теперь на фонѣ новомъ
Взошла несчетная весна.
О воскреси, губитель, словомъ.
Живи небесная жена.

* * *

Луна старуха проситъ подаянья
У кормчихъ звѣздъ, у луговыхъ огней,
Луна не въ силахъ прочитать названья
Безъ помощи коптящихъ фонарей.

Луна, какъ вша, ползетъ небесъ подкладкой,
Она паукъ, мы въ сѣткахъ паутинъ,
Луна—матросъ своей горѣлкой гадкой
Безсильна озарить сосцы больныхъ низинъ.

? ? ?

Больше тропъ, иль пѣшеходовъ,
Больше нивъ, иль пышныхъ всходовъ,
Больше лунъ, или лучей,
Больше тѣлъ, или мечей,
Больше мертвыхъ, иль гробовъ,
Больше ранъ, или зубовъ,
Больше воплей, или глотокъ,
Больше мордъ, или обротокъ.

? ? ?

ВЕСЕННЯЯ НОЧЬ.

Луна подъ брюхомъ черной тучи
Лижи сіяющій пупокъ.
Злорадственно вздыбились кручи,
И мостъ отчаянья глубокъ

А узкогорлыя цѣвницы
Пронзили пораженно тьму
Подъ грохотъ мозглой колесницы,
Умчавшей СДОХШУЮ ЗИМУ

Иди надъ валомъ,
Нѣжно тая,
Глубинъ забраломъ
Обладая.
Тропой далекой
Скачутъ кони,
Норой глубокой
Кроютъ брони.
Стрѣлу высоко
Мечутъ луки,
Не схватитъ око,
Не видятъ руки.

ЛУННЫЙ СВѢТЪ.

1.

Ночь была темнокудрой,
А я не повѣрилъ въ ночь,
Я съ улыбкою мудрой
Зажегъ восковую свѣчь,
Ночь надѣла ожерелье
Бѣлыхъ крупинокъ,
А я скопидомно жалѣлъ ей,
Очей своихъ ИНОКЪ.

2.

Ночь построила зимній дворецъ,
А я скиталъ за оградой,
Нитку держалъ за бѣлый конецъ,
Считалъ наградой,
Я проклиналъ свою младость,
Скверно быть старымъ...
Я шелъ наугадъ...

3.

Подъ ногами зачастую
Видимъ бездну разлитую.
Надъ мостами не всегда
Плещетъ колкая звѣзда.
Ночи скрипка [1])
Часто визгомъ
Нарушаетъ тишину.
Прижимается ошибка [2])
Къ темноглазому вину.

Объясненія: [1]) поѣздъ.
[2]) возможность крушенія.

Долбя глазами вешній ледъ,
Свой искусивши глазомѣръ,
Среди загадочныхъ колодъ,
Вы, съ солнца взявшіе примѣръ,
Вы воспріяли гордый пылъ
На грудахъ осіянныхъ дней,
Какъ будто каждый не забылъ
Отчизну старости своей.

ЗИМНЕЕ ВРЕМЯ.

Сумерки падаютъ звономъ усталымъ.
Ночь, возрасти въ переулкахъ огни.
Онъ изогнулся калачикомъ малымъ,
ОНЪ (шепчетъ): «въ молитвахъ меня помяни,
Я истомленъ, я издерганъ, изжаленъ,
Изгнанъ изъ многихъ пристанищъ навѣкъ,
Я посѣтитель столовыхъ и спаленъ,
Я женодаръ, пивоваръ, хлѣбопекъ.
Жизнь непомѣрно становится тѣсной,
Всюду одинъ негодующій постъ,
Я захлебнусь этой влагою прѣсной,
Съ горя сожру свой лысѣющій хвостъ».
Стонетъ учтиво и ласковымъ окомъ
Хочетъ родить состраданье во мнѣ.
Я: «Другъ мой (не надобно быть и пророкомъ)
«Ты оживешь по ближайшей веснѣ».

ВѢТЕРЪ.

Погонщикъ травъ,
Вѣтеръ безпокойный,
Порывистъ нравъ,
Дыханьемъ знойный,
Серпа не надо,
Сминая пяткой
Лазури гада,
Играешь кадкой,
Всѣ подъ тобою,
Всегда загадкой,
И рвешься къ бою.

* * *

Зигзаги трусости отвали,
Зигзаги мраковъ
И свѣтлотъ,
Въ душѣ овраговъ
Поворотъ.

ВЕСНА.

Навозная жижица
Впитана зракомъ,
Малая книжица
Макомъ.
Солнце поденщикъ,
А я повелитель,
Весность, ты банщикъ,
Старый спаситель.

* *

Покинувъ зимніе чертоги,
Съ тяжелымъ посохомъ въ рукахъ,
Опять на грязныя дороги
Выходитъ сумерекъ монахъ.
Пересѣкаетъ снова рѣки,
Остановившись на мосту,
Слѣдитъ воды живыя вѣки
И звѣздъ надрѣчныхъ простоту.
Все вновь желательно для слуха,
И шопотъ этихъ крайнихъ льдинъ,
И пролетающая муха,
И челнъ, часовъ сихъ господинъ.
Заря лобзаетъ нѣжными устами
Подносы рдяные расплывшихся озеръ,
И кто-то тихими тревожитъ голосами
Весны пустой, но трепетный просторъ.

«У лошади не очи, а черные
цвѣты».

Синій дымъ угаровъ,
Ты, говоришь, «Весна!»
Средь деревъ бульваровъ,
Строптива и косна.
Надо таять снѣгамъ,
Синѣть лазури,
Грязи влачиться ногамъ
Переулочныхъ гурій.
Надо бѣгать собачкамъ,
Цвѣсти цвѣтамъ,
Автомобильнымъ тачкамъ,
Стучать по зубамъ.

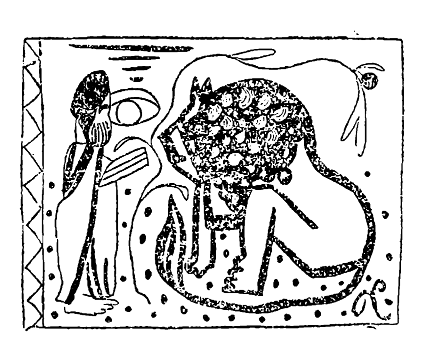


Рис. Владиміръ Бурлюкъ.

КОЛДУНЪ И ЗВѢРЬ.

На площадяхъ полночной мглою —
Когда ужасенъ бури хладъ,
Стремятся бѣдняки толпою
Свой озарить замерзшій взглядъ...
Кольцомъ молчащимъ цѣпенѣя
Суровый жестъ = безплодный садъ,
Сочтете жизнь, жизнь Ахинея
И дни мученьями грозятъ.

V

Такъ и теперь костеръ весенній,
Такъ много сгрудилъ чудаковъ,
Но искры позднихъ сожалѣній
Не залетятъ Ея альковъ.

! ! !

* * *

Мы идемъ за дождемъ,
Мы идемъ за туманомъ,
Прикасаясь къ мокрымъ ранамъ,
Корабли
Земли.
Одни на парусахъ
Въ окрестныхъ волосахъ
Тишинѣ.
Мели.
Тянутся недѣли
Куда глубокіе заливы?
Гдѣ слушали мы шопотъ.
Дождь=стекло.
Дождь длинныя трубки хрусталя.
Мокрое зло падай на поля.
У дождя, у дождя тысяча ногъ.
Онъ пробѣжитъ сколько слѣдовъ
Черезъ нашъ порогъ различныхъ плодовъ.
У дождя 1000 ногъ.
Онъ стучитъ ими всюду,
Падаетъ топотъ на снѣговый логъ,
Древнюю стѣнъ груду.
Вотъ пробѣжалъ онъ
Сколько копытъ =
Маленькихъ ножекъ сырыхъ.
Въ озерѣ впаломъ
Онъ нѣжится сытъ.
Рытвинахъ черныхъ и злыхъ.
Высосутъ, выпьютъ, забыты названія.
Легкій поднялся туманъ.
Ткачъ.
Бѣлыя изваянія.
Обманъ.
Ловкачъ.

ПРИМОРСКІЙ ПОРТЪ.

Рѣка ползетъ животъ громадный моря,
Желтѣетъ хитрая вода,
Цвѣтною нефтью свой паркетъ узоря
Прижавши пристанямъ суда.
Вотъ здѣсь купаются, а дальше ловятъ рыбу,
А тамъ морской гигантъ,
Дробя лазурь углами черныхъ вантъ,
Укрывшись невода, что свилъ фабричный дымъ,
А небо моремъ плещетъ голубымъ,
Не въ силахъ поглотить тучъ раскаленныхъ глыбу
Обиліе лучей, тепла обилье,
Всему кричать сними тюрьму одеждъ,
Отторгни глупое потливое насилье
И розы вскрой грудей, дай насыщенье вѣждъ.

СОНЕТЪ.

Пламя твоихъ сѣрыхъ рукъ
Сжигай, сжигай меня,
Пали раскормленный паукъ,
Сожри проворная свинья.
Занятны полдни и восходы,
Рабочій бурный горизонтъ—
Закупоренные иноходы,
Невыплесканный понтъ.
И вотъ теперь на солнцепекѣ
Растутъ небесные грибы,
И отразившись въ синемъ окѣ,
Въ беззубыхъ челюстяхъ судьбы,
Живутъ согбенно на востокѣ
Неокрыленные пророки.

Солнцу свѣтить вѣдь не лѣнь,
Вѣтру свистѣть незадача,
Вѣточку выбросить пень,
Море жемчужину, плача.
Мнѣ же не жалко часовъ,
Я не лишуся охоты
Вѣчно разыскивать словъ
Дружно шагающихъ роты...

ВѢТЕРЪ.

Строитель облаковъ,
Погонщикъ травъ,
Гребецъ и пѣшеходъ,
Вотъ что начертано у входа
Твоей квартиры.

Средь рытвинъ неба
Брошенъ лунный плугъ.

Д. Б.

Скобли скребкомъ своимъ луна
Ночей фіалковыя пятна,
Вѣдь это не твоя вина,
Что ты прогоркла и невнятна.
И кто тебѣ повѣритъ, знай!
Что, озаряя царство лжи,
Червями пышущей межи
Отходишь предразсвѣтный край.

Сними горящіе доспѣхи,
Ты видишь, лѣто отошло,
И смерть уноситъ счастья вѣхи,
И всюду ковыляетъ зло.
Оторопѣй надъ соловьями,
Точась рубиномъ сочныхъ губъ,
Ты видишь лѣто зимней ямѣ
Законопаченное дубъ.

БЕЗПОКОЙНОЕ НЕБО.

1.

Рѣка горизонтальна,
Отвѣсны водопады,
Лазурь хрустальна,
А тучи—гады—
Свиваютъ свои кольца
И мчатся далямъ,
Веселью и печалямъ,
Стараньемъ богомольца.

2.

И пухлыми грибами
Заполонивъ бутыль [1],
Скрипятъ между зубами
Самума пыль.

„ОНѢ ПЛЫВУТЪ КЪ ОДНОЙ МЕТѢ".

Вѣтеръ гудитъ на просторѣ и башняхъ,
Тѣсныхъ лѣсахъ и распластанныхъ пашняхъ,
Вѣтеръ надулся и дуетъ трубу,
Каждый свою лишь играетъ судьбу.
Я пресмыкаюсь, я знаю проходы,
Дыры, лазейки, витые пути,
Влача на плечахъ своихъ тяжкіе годы,
Все далѣ, все болѣ нести.

---

[1]) Небо.

ТЕАТРАЛЬНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Грозди закаta на стеклахъ пенснэ
Судьба крылата по моей винѣ
На синемъ небѣ пожары буквъ
Найдите гдѣ бы не было рукъ въ
Марающей пѣнѣ будней коней
Я былъ Сіенѣ гдѣ небо синѣй.

Пламерукій закатъ держитъ городъ объятьяхъ
Берущій краски напрокатъ привыкшій жить лицепріятьяхъ
Вся жизнь какъ ложная улыбка
И маятникъ—трепещетъ зыбка
Но золото вечернихъ красъ
Со стономъ покидаетъ насъ.

ВЕЧЕРЪ НА ПАРОХОДѢ.

Луна вонзила воды свой клинокъ,
Шумитъ поспѣшная текучесть,
И дымъ просмоленный челнокъ
Познать уничтоженья участь.

ЗИМА ЛУНЫ.

Пламя ласковой луны
Только свѣтитъ, нѣтъ тепла,
И ея дрожатъ сыны
У небеснаго угла,
Высь ея удалена
Отъ любовнаго запрета
И озябшая луна никогда не знаетъ лѣта.
Вамъ зеленые грибы
Средь безвременной поляны
Созрѣваютъ у губы
Непотребнѣйшей дѣляны.

Ушелъ и бросилъ бѣглый взглядъ
Неуловимаго значенья,
И смутно окрылился задъ
Имъ зарожденнаго влеченья,
Проткнулась тощая стезя
И заколдованные злаки
Лишь рвутся слѣдомъ, егозя,
Воспоминанья раки.

* * *

Въ небѣ мачты стволъ,
Огневѣетъ вымпелъ,
Пароходъ, какъ волъ,
Пашетъ волны. Дымъ пѣлъ,
Тамъ черною змѣею
Колеблемъ глубиною,
Гдѣ бронзовый дельфинъ
Блеснулъ спиною.
Исчезли берега,
Не видно красной глины,
Лишь пѣнные снѣга
Пестрятъ зыбей павлины.

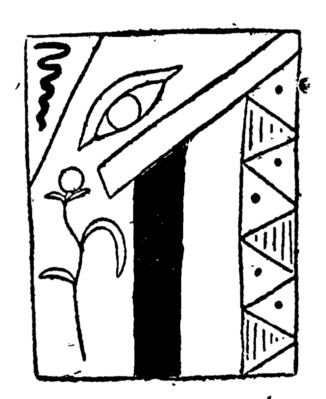


Рис. Владимiръ Бурлюкъ.

ВОСХОДЯЩЕЕ ОКО.

1.

Заражены черты и стѣны
Иглою ломанныхъ огней,
Такъ брызги лунной ѣдкой пѣны
Мараютъ ребра кораблей.

2.

И переулковъ ароматы,
Какой чудовищный букетъ;
Раскрыли скорбные заплаты
Полетомъ брызжущихъ ракетъ.

3.

Какія странныя улыбки,
Рукопожатья фонарей,
Аквариумовъ блещутъ рыбки,
Сѣтей свободны рыбарей.

4.

Приходитъ ночь, скорбитъ старуха,
Назойливъ сумерекъ скребокъ,
И мыши точатъ злобно сухо
Сарая застарѣвшій бокъ.

Въ очахъ лампадъ дрожатъ надежды,
Завязнувъ въ тинѣ мертвыхъ главъ,
Сегодня, завтра, какъ и прежде,
Покорной вѣрой воспылавъ.
Взведя на горніе пороги
Молитвенно свои уста,
Ты шепчешь высохшіе слоги,
Какъ пеплъ солгавшаго куста.

УЛЕЙ ЗИМЫ.

СОНЕТЪ.

Опять Рои кружатся пчелъ,
И затуманенъ ими долъ,
Зимы опять забыть могу ли
Шумящій безпокойно улей.
Какой свирѣпый хладный рой
Кружится чахлою толпой,
На городъ бросивъ нитей сѣтки,
Сухія вымерзшія вѣтки,
Вы намъ несете льдистый медъ,
Румяны вьюжны ароматы,
Пушинокъ зыблемый пометъ,
Вы намъ несете сѣдины,
А водамъ голубые латы
О пчелы старческой зимы!!

Долбя глазами вешній ледъ,
Свой искусивши глазомѣръ
Среди загадочныхъ колодъ
Вы, Солнца взявшіе примѣръ,

Вы возрастили гордый пылъ
На грудахъ осіянныхъ дней,
Какъ будто каждый не забылъ
Отчизну старости своей.

* * *

Вечеръ на поляхъ зеленой книги
Оставилъ бурый слѣдъ
Скоротечны дневные миги
Низкопробенъ ночи пледъ.

На трухломъ балконѣ
Слушаю шумы водъ
Блеяніе овецъ загонѣ
И дѣвъ горластый хороводъ

Скромныя тихія забавы
Длись неопытная весна
Растите вѣтки злаки травы
Недавно вставшіе отъ сна.

ВАЗА.

Плыви могильщик краем урны
Жемчужный расточая сноп
Стопы твои горѣ лазурны
И сумракъ праведенъ холопъ...

Глядишь озера хладныхъ стеколъ
И глотки вытянутыхъ трубъ
Твой взглядъ лучисто-острый соколъ—
Зеленый завершенный зубъ

Искрись надъ вазою [1]) до края
Заполоненной прямизной
Чтобы блистать не умирая
Чтобы не вѣдать славы „Зной"

ГОРОДЪ. {
Изгибы стѣнъ ея сковали
Гроба = дома + цвѣты тоску
Скелеты утомленной стали
И мѣдныхъ помысловъ рѣку

ЛУНА. {
Плыви—2 надъ краемъ урны
Свой жемчуговъ разбросивъ снопъ
Твои стопы всегда лазурны
И мракъ у ногъ твоихъ холопъ.

---

[1]) ваза = городъ.

ОСЕНЬ.

Поблескиваетъ неба лобъ
На равнины павшій гробъ
Усопшая жара—ея увяли руци
О желтой кукурузы пуки!...

Работа кончилась нажралась нищета
Ползутъ привѣтливо осенней ночи тьмы
Исчезла высота
Гробовой крышкой вдругъ прижаты мы.

Въ тѣ дни когда мы говоримъ
Такъ нѣжно мама
Когда вся жизнь живому счастью рама
Когда слова

Легко беретъ и варитъ голова.
Когда всѣ сны
Младымъ безуміемъ полны
Душа очагъ

И трепеща какъ флагъ
Какъ пѣна сочныхъ брагъ
Не различитъ
Что жизнь ей злѣйшій врагъ.

Да въ свой чередъ столѣтій ратямъ
Отъ дней утробной глухоты
Дано итти весны палатямъ
До сокрушающей чертежы.

Равно ясны и лучезарны
Какъ капли меда въ яда сотъ
Походы эти вѣчно парны
И незамѣтенъ поворотъ

Иди и плачь тамъ надъ большимъ обрывомъ
Осколки тучъ—бутыль разбита неба
Душа загромождена порывомъ
Въ сугробахъ крепа.

Чините паруса вѣдь ихъ изъѣла злоба
Душа вѣдь молода и надо надо жить
О ты жилецъ въ грядущемъ темномъ зоба
Жестокой смерти держишь нить

Вся въ завиткахъ безглазыя орбиты
Веселенькій червякъ—спѣшитъ изъ подъ бровей
Она какъ домъ гдѣ окна всѣ забиты
Замолкшій пискъ пономарей

Чините паруса нависла гибель—буря
Вся жизнь теперь безжалостный присосокъ
И лишь поэтъ одинъ проходитъ каламбуря
Рукою бѣлой сжавъ въ пути проросшій посохъ.

НЕЗАКОННОРОЖДЕННЫЕ.

Отхожихъ мѣстъ зловонныя заплаты
Младенческихъ утробъ и кадмій и кобальтъ
Первичные часы расплаты и горбаты
И ярко красный возникаетъ альтъ

Отхожихъ ландышей влекомый бѣленою
Смутить возможно ли усладу матерей
Пришедшія ко мнѣ я ничего не скрою
Васъ брошенныхъ за жребіемъ дверей.

Луна какъ гербъ
далекихъ пос.

Селена трупъ твой проплыветъ лазури
Селеньями опредѣленныхъ гурій
Гдѣ виноградъ какъ капли желтыхъ смолъ
Дѣвичьихъ грудь сосцы нашелъ

Лежала на перинѣ бѣлою ногой
Зеленый мѣсяцъ вилъ свои тенета
Межа чернѣла за скобой тугой
И капалъ медъ приманка сота.

Павелъ Филоновъ.

Рисунокъ.

I.

Такъ на песчаной дюнѣ
Полдень бѣлой пяткой
Въ горячемъ Іюнѣ
Играетъ въ прятки
Вотъ съ ближняго форпоста
Доносится бой часовъ
На овцѣ короста
Рыбъ уловъ
Длинны песчаныя мели
Тишина
Строитъ свой городъ недѣли
Одна
Округлы небесные своды
Ложь
Живетъ здѣсь годы
Точитъ ножъ.
Рыбаки бросаютъ сѣти
Знайте: сѣти облака
Рыбаки же вѣтры это
Мы какъ маленькія дѣти
Утѣшаемся пока
Надъ безбурной летой
Облака на солнцепекѣ
Совсѣмъ грибы
Мнѣ надоѣло жить въ опекѣ
Боясь судьбы
Хочу направить парусину
Вѣтрамъ наперекоръ
Пусть пѣна орошаетъ спину
Буранъ—упоръ
Мы рыбаки давно привычны
Знать тряску волнъ
Для насъ плевки пучинъ обычны
Нашъ срокъ условнъ.

ТРАВА.

Ты растворилъ такъ много оконъ
Цвѣти послѣдняя весна
Такъ долго кисъ такъ много мокъ онъ
И келья благостна тѣсна

Закабаленныя надежды
Пробили вдругъ земной пріютъ
И ярки горнія одежды
Мечи зеленые поютъ.

Гдѣ такъ веселъ вѣтра вой
Ты играешь не цвѣтами не травой
Не большими озерами
Не пушистыми древами
А самой
Хромою высотой
Она вѣдь вѣрила твои сказки
Теперь же пошла вспять
Вѣчно плясать по твоей указкѣ
Получить желая пять
Все это сдѣлать незамѣтно
Ни для слуха ни для глазъ
Ни для благого духа ни для разбитыхъ вазъ
Золотыми были закаты
Святая ночь
Прошла пока ты
Исчезла прочь.

Часовъ стучитъ засовъ
Проходишь спальней
Огни длиннѣе и печальнѣй
И вотъ
Сомнѣній скучный хороводъ
Тоска поетъ
Какъ заунывно пѣнье
Подъ сводомъ черепицъ
Упавшихъ спицъ
Раскрылся шорохъ
Онъ скрытенъ—порохъ
О слова
Едва
Права
Судьба
Всѣхъ этихъ
Что гурьба
Такъ яростно стремится
Тамъ внѣ стѣнъ
Во имя новыхъ перемѣнъ
Скачите люди, кони
Вы внѣ погони
Я не пойду за вами днями.

Листва у ожившихъ кустовъ
какъ свѣже пахнущая краска...

Чело небесъ овесненной природы
Въ свой рептухъ взявшихъ синеву...
Опять бѣгутъ рогатыя породы
Щипать прилежно мураву
Днесь слышно вновь какъ небу лѣзетъ
травка
И какъ птенцы клюютъ тюрьму скорлупъ
Весь міръ теперь сіяющая лавка
„Не купитъ счастья тотъ—кто лишь
отмѣнно скупъ“.

У подножія тельца
Маской смятаго лица
Двоится полночи жена
Луной косой поражена

Туманы снятся тумбныхъ скользкихъ плечъ
Бульварныя квадратъ домовъ огней вакханки
И дальніе часы дрожащіе свой мечъ
Надъ горломъ уличнымъ осипшей перебранки.

2.

Звѣрь полуиздохшій городъ хрипитъ
Но тысячи свирѣпыя еще горятъ зрачковъ
— Ищейки темныя вонзающихъ потерь
И подъ скрипы челюстей грызущія вѣковъ.

Павелъ Филоновъ.

Рисунокъ

Трепещите укоризны
Свирѣпъ лиловый паровозъ
Лишимся городской отчизны
Вступивъ на быстроходный возъ
Скрипятъ желѣзныя сцѣпленья
Стальныхъ бѣгутъ длинноты графъ
И отъ былово преступленья
Уноситъ возбужденный прахъ
Коптятъ угоднику свѣтильни
Во тьмѣ немногихъ видитъ зракъ
И далѣ чѣмъ тѣмъ все безсильнѣй
Царящій въ ночи Зодіакъ
Боготворите голосъ тлѣнья
Тлѣть другимъ насталъ чередъ
Для непреложнаго исчезновенья
Одаритъ нареченный годъ.
Ищи ищи свою темницу
Отраднѣй быть вѣдь въ кандалахъ
Чѣмъ здѣсь свободную десницу
День ото дня встрѣчать въ дѣлахъ
Отрадно быть вѣдь землекопомъ
Уйти при жизни въ смрадный гробъ
И упиваться жизни токомъ
Все оперевъ на желтый лобъ.
Ахъ несравнимо быть тупицей
Не знать высокихъ летовъ вкусъ
Не быть громадной единицей
Глядящей на морской бурнусъ.
Отрадно быть червемъ могильнымъ
Сосать убитаго врага
Подъ кровомъ ночи смерти пыльнымъ
Когда ужъ съѣдена нога.

ДОЖДЬ.

Съ вѣтокъ, крышъ, травинокъ, скалъ
Протянулись всюду струны,
И небесные буруны
На лучей оскалъ.

Надо лодки, надо руки,
Надо ведра, корыта,
Эти стрѣлы эти луки,
Пробудилась высота

Шопотъ, топотъ, звонъ и плескъ,
Сколько малыхъ водопадовъ,
Перебитыхъ трубокъ трель,
Окрыленный звукъ зарядовъ.

Намокаетъ муравей,
Набухаютъ грузно крыши,
И дорога средь полей
Отливаетъ грязью рыжей.

* * *

По малиновой долинѣ атласной
Заросшей травами златыми
Ты ходишь жертвою опасной
Руководимъ иными.

Не сотрясешь широкой рясой
Ни жемчуговъ ни звонкихъ знаковъ
Подъ неба вешнею гримасой
Стократно жизнь свою оплакавъ

Заворожить земныя страсти
Хотѣньямъ восклицая „плохо"...
Когда судовъ распнутъ Васъ снасти
Вѣтровъ высокая голгоѳа

На крутизнѣ надъ глубинами
Раскроются ихъ пасти снова
Заблещутъ бѣлыми крылами
Для новыхъ береговъ основа.

Давидъ Бурлюкъ.

Рисунокъ.

* * *

Часы толпа угрюмыхъ старцевъ
Дрожитъ ихъ задержавъ засовъ.
И скуденъ изможденный даръ пѣвницъ лепечущихъ
как нѣкій хлѣбодаръ
Но я! я! виночерпій
Я ломаю свой черепъ и
Свою душу...

ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ КАМЕНСКІЙ.

Стихи.

УЛЕТАН

В разлетинности летайно
Над Грустиніей летан
Я летайность совершаю
В залетайный стан
Раскрыленность укрыляя
Раскаленный метеор
Моя пѣсня крыловая
Незамолчный гул—мотор
Дух летивый
Лбом обвѣтряным
Лет летисто крыл встрѣчать
Перелетностью крылисто
В небѣ на орлов кричать
Эйт! дорогу!
С вниманіем ястреба-тетеревятника
С улыбкой облака слѣдить
Как два медвѣдя—стервятника
Косолапят в берлогу
Выѣв вымя коровы и осердіе
Гдѣ искать на землѣ милосердія
Летокеан, Летокеан.
В летинныхъ крылованіях
Ядрено взмахи дрогнуты
Шеи—змѣи красных лебедей
В отраженіях изогнуты
Пусть—долины—живот
Горы—груди земли
Окрыленные нас укрылят корабли
Станем мы небовать, крыловать
А на нелюдей звонко плевать.

Перед беременными львицами
Я грязь за когтем
Я пахну дегтем
Зѣвая локтем волосатым
С невинными дѣвицами
Из кирпичей любви
Построил башню вавилонскую
Голубем египетским
На сѣвер прилетѣл
Палевый по ночам гурливый
Теперь съ чумными псами
Скитаю одиночество
И сплю въ дырах
С обрюзгшими усами
Смердящихъ скотобоен
Мычу спокоен
Перед убоем.

Я.

Излучистая
Лучистая
Чистая
Истая
Стая
Тая
Ая
Я

Голый юноша
По мокрой травянѣ
Бѣгает на зарѣ,
На цвѣтанѣ.

Айно—тайм.
Припади
К парной отъ молока
Груди.

Айно —тайм.
Зорким будь.
Не, забудь
Айно—тайм.

К животу
Прилипли зеленины
И от корешины
Выдавились узоры

Кровяные.
Айно—тайм.
Голый юноша
Пьет березовый сок

Смотрит,
Айно—тайм.
Смотрит, запрѣлый холкой
Холя свой холеный холм.

КОЛЫБАЙКА.

Эли и оли
Слон и соли
Ціа—цины
Цій—тирлью

Вью и вью
Соли и сон
Эли и оли
Вѣетъ вѣй

Чей журчей
Колыбай
Улыбай
Колыбайка

Давидъ Бурлюкъ.

Рисунокъ.

БЕНЕДИКТЪ ЛИВШИЦЪ.

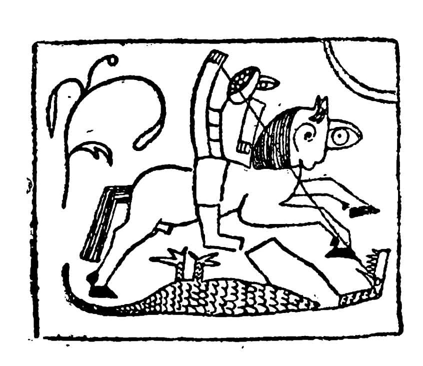
ПАЛЬМА ПРАВЕДНИКА.

Стихи.

ВОЗВРАТЪ.

Александрѣ Экстеръ.

Едва навѣянный Евтерпѣ,
Изваивая облака,
Изъ вай вечерній златочерній
Ты тронешь стебли тростника,
О золотомъ закатѣ пѣны,
Прирѣчномъ посреди стрекозъ,
На блѣдный лугъ, тобой забвенный
За розами метаморфозъ—
И принесешь уклоны крылій
И собранный вечерній сокъ
Влюбленной больше райской пыли
Къ загару отроческихъ щекъ.



Владимірѣ Бурлюкъ.

Рисунокъ.

ЦѢЛИТЕЛЬ.

Бѣлый лѣкарь, недозрѣлый трупикъ
Большеглазаго Пьеро,
Вырастившій вымышленный тропикъ
Въ мартовское серебро!

Нѣтъ, не пыль дождливаго клавира,
Ты стѣсняешь бѣлизной
Всѣ широкія слова на эро,
Всѣ слова въ цѣлебный зной.

Колыхаясь бѣлымъ балахономъ
Туфлѣ въ тактъ и сердцу въ тактъ,
Праведникъ, въ раю благоуханномъ
Вотъ нисходишь на смарагдъ.

НЕКРОЛОГЪ.

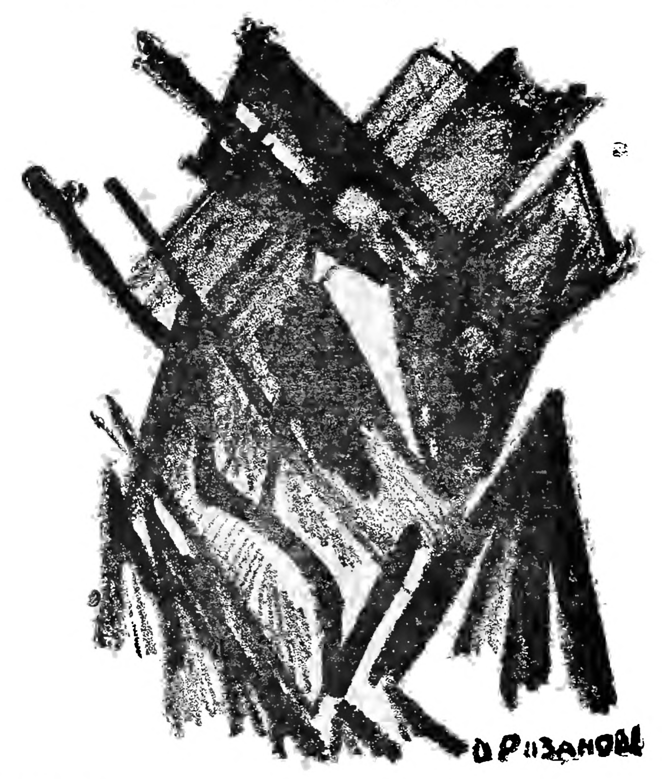
О тропикѣ трепетный клоунъ
Изъ крапинъ запретныхъ рябо
На всемъ балахонѣ—во что онъ
Игралъ головой би-ба-бо?

На счастіе въ лиліи передъ
Америкою тишины
Онъ замеръ и сѣверомъ мѣритъ
Отпущенницъ райской весны,

Чья полузнакомая вѣра
Смарагдами ограждена
Въ широкое слово на эро,
Бѣжавшее строгаго сна.

ИСПОЛНЕНІЕ.

Прозрачны знои, сухи туки
И овенъ явленный пріятъ:
Сквозь облакъ яблоневый руки
Твои бѣлѣютъ и томятъ.
Кипящій мечъ изъ синей пыли
Погасъ у вратъ—и день прошелъ:
Ладони книзу, склономъ лилій
Ты, словно въ сердце, сходишь въ долъ.



Рисунокъ. О. Розанова.

НИКОЛАЙ БУРЛЮКЪ.

КОВЧЕГЪ ВЕСНЫ.

Мистерія.

1910—1913.

ПРЕДВѢСТІЯ.

Какъ послѣ этого не молвить,
Что тихой осени рука
Такъ нѣжно гладитъ паука
Желая тайный долгъ исполнить.

Какъ послѣ этого не вянуть
Цвѣтамъ и маленькой травѣ,
Когда въ невольной синевѣ
Такъ облака готовы кануть.

Какъ послѣ этого не стынуть
Слезами смоченнымъ устамъ
Когда колеблешься ты самъ,
Желая тайны долгъ исполнить.

ОТПЛЫТІЕ.

Проходятъ дни невольной страсти,
Цвѣтутъ деревья и вода,
Земли зеленая руда
Плететъ узорчатыя снасти.
Чернѣетъ остовъ корабельный
И осени уже рука
Канатъ работы паука
Кидаетъ въ воздухъ безпредѣльный.

Рисунокъ. Иванъ Пуни.

I.

Звучитъ печальное журчанье
Осеннихъ водъ, несущихъ листъ
И небосводъ прощально чистъ
Надъ тихимъ лономъ увяданья.

Мы только дѣти, только дѣти
У брега медленной рѣки,
Но мы глядимъ, какъ старики
На шелестъ скорченныхъ столѣтій.

И валимъ желтою рукою
Промокшей глины брежн ы комъ
А плескъ воды тебѣ знакомъ,
Грустящей по иномъ покоѣ.

Такъ ясно все, такъ зорки дали,
Чтобъ не желать душѣ тревогъ,
Ты видишь возлѣ дѣвы ногъ
Вдругъ крылья бабочки упали.

II.

На чердакѣ подъ снѣжной крышей,
Въ морозѣ комнатной зимы
Онъ видитъ лишь одни дымы,
Плывущіе куда-то выше.

Въ провалахъ улицъ лязгъ трамвая,
Бьетъ тактъ чиновничьей души
И въ дебряхъ домовой глуши
Таись, какъ звѣрь въ проклятомъ раѣ.

И часто пробудившись ночью
Еще далеко до конца
Черты звѣринаго лица
Взираетъ онъ во тьмѣ урочья.

Съ ланитъ уходитъ алость юга
Глаза свѣчей воспалены
И губъ — настойчивость струны
Сожгла продымленная вьюга.

III.

Чрезъ мостъ обмезнувшій и гулкій
Перехожу, поднявши воротъ. Снѣгъ
Съ рѣки на темный града брегъ
Летитъ засыпать закоулки

Задумчиво сбиваю тростью
Сосцы морозныхъ матерей
Печаль. Кошачій визгъ саней
Въ ночи играетъ вьюги злостью

И слышу: «Я числа десятаго
Поѣду за скотомъ на югъ
Площадка нынче маловата
Хочу купить по сто на кругъ»

Я говорю себѣ—десятое
Вѣдь завтра, а теперь храни
Солнцестоянія огни
Декабрьскимъ холодомъ помятые.

IV.

Прижавшись къ вырѣзкѣ уклона
Мы шепчемъ: «берегитесь, панъ!»
И мимо насъ въ ночной туманъ
Скользятъ размѣренно вагоны.

Подъ вьюги вой скота мычанье
Волнуетъ оснѣженный духъ
И при скотѣ сѣдой пастухъ
Хранитъ-ли вѣчное сіянье.

Немного сѣна подлѣ стойла
Бросалъ-ли на гремящій полъ
Пока притихшій сѣрый волъ
Кончалъ дымящееся пойло.

Подъ шумъ колесъ, вершащихъ версты
Проходитъ затаясь канунъ
И для лучей январьскихъ лунъ
Сердца увядшія отверсты.

Въ поляны съ мертвыми тѣнями
Бросаетъ поѣздъ красный угль
Не онъ-ли ночи долгой другъ
Пути покинутаго нами.

И зналъ-ли стрѣлочникъ суровый
Что межъ скотомъ изъ горнихъ странъ
Весна покинувъ Эриданъ
Пришла срывать зимы оковы.

Мы ночью въ полѢ. Лучъ багровый
Нашъ поѢздъ спряталъ за холмомъ
Печаленъ я. Покинувъ домъ
ЗачѢмъ въ снѢгахъ желаю крова.

НѢтъ вѢтра. Сонное дыханье
Баюкаетъ поникшійся станъ
И сквозь струящій туманъ
Такъ нѢжно-горнихъ звѢздъ мерцанье.

Иду усталою походкой
По скрытой снѢгомъ пахотѢ
И задремавши въ темнотѢ
Качаюсь какъ въ прибрежной лодкѢ.

Вдругъ склонъ... и лѢса очертанья
Кусты и въ небѢ сѢть вершинъ
ГдѢ пойманной звѢзды долинъ
Едва глядится трепетанье.

ТеплѢй въ лѢсу. Деревья тайно
СогрѢли темноту полянъ
И воздухъ мягкой влагой пьянъ
Клонитъ меня къ землѢ случайной.

VI.

Снискалъ пріютъ подъ снѢжной кровлей
Вздохнулъ и съ этимъ легкимъ вздохомъ
Я сталъ подобенъ хлѢба крохамъ
Набросаннымъ для птичьей ловли.

И слышу дальній голосъ птички
Межъ иніемъ ночныхъ деревьевъ
Она летитъ въ заботѣ перьевъ
Влекома древнею привычкой.

И тайнымъ смысломъ зачарованъ
Я изъ послѣдняго сугроба
Смотрю какъ духъ рѣчного гроба
Еще лучистымъ льдомъ закованъ.

Душа спокойная бѣглянка
Средь оснащеннаго оплота
Взираетъ трепетность полета
И тѣла рдѣющую ранку.

И безжитъ длань. Зиму отстроивъ
Стекаетъ бурою смолою
Полей проворною спиною
Корабль и опьянитель Ноевъ.

VII,

Близъ зеленой травки
Въ узорѣ льдинокъ
Третьеклассной давки
Мѣшковъ и корзинокъ.

Въ глазахъ у контролера
Щипцы и билеты
Чрезъ дырочки дозора
Слезой туманятся предметы·

Вагоновожатый
Откройте вестингаузъ
Шахтерами сжатый
Я нашелъ путь въ Эмауссъ.

VIII

Вечерѣетъ. Слишкомъ тихо.
Снѣгъ растаялъ. Бугоръ высохъ.
Дыханіе дрожитъ какъ эхо
Весеннихъ рощъ просторныхъ нишахъ.

Закатъ какъ желтая земля
Взлетѣлъ и занѣмѣлъ распятый
Я узнаю тебя стократы
Деревьевъ древняго кремля:
Спускаемся въ лощину
Переходимъ мостикъ доморощенный
И ты говоришь теноромъ суховатымъ:
„Я могъ-бы быть твоимъ братомъ“ —
Но мнѣ печально. Свирѣль твоего голоса

Стройна какъ неба полоса
Ясна какъ проталины...
Мы идемъ по дну долины
Направо орѣшникъ еще голый
Налѣво погостъ на склонѣ...
Мнѣ грустно: праведники, грѣшники
Покоятся въ тихомъ звонѣ,
И церковь сѣрая какъ сова.
Такъ звонки и крестомъ слова

Сплетают простой холщевый саван.
Я не знаю кѣмъ дарованъ
Этотъ взглядъ протяжный и
Беременный. Пройдутъ времена
Кто мнѣ глаза закроетъ?..
Я больше не могу и если ты ничего не скажешь, тихонько проползу черезъ трещину ограды, а тамъ подъ холмикъ гладить ея кривыя морщинистыя кости.
Звонъ неизмѣнный, запавшій...
Звонъ званный и желтый...
Звонъ заунывный и застывшій на воскѣ небесъ
умощенномъ остріями елей.

Тропою скорченныхъ корней
Мой духъ возлей!
Я ненавижу мертвыхъ уголь!
Дитя во чревѣ
Рожь въ посѣвѣ
Мой лукъ натянутый не туго-ль.

—и топнувъ ногой, вырвалъ горсть орѣховъ изъ бедра. Зелеными колоколами ударили они въ гроба, кресты воскресли какъ фонтаны буйныхъ листьевъ и лозинъ, а кости просвѣтлѣвъ сверкнули глазами освобожденныхъ звѣздъ. По сизому фронтону деревянной церкви.

Орѣхи разбудили сонъ вѣтвей
И вотъ весна гробовъ овей
Стрѣлами изумрудныхъ хвой
Окно подъ кровлей слуховое.

IX.

И спался день. Зарею черной
Покрылся погашенный воздухъ

Росою благовонный роздыхъ
Повисъ надъ чашею узорной.
Подъ сѣтью ночи чрезъ овраги
Раскрылась ароматомъ зѣва
Земли обугленная дѣва
Дыханьемъ упоенной влаги.
И въ смуглой дали различаю
Въ холмахъ обрызганныя груди
Въ поляхъ глазамъ громадной грудѣ
Упругихъ ногъ изгибъ встрѣчаю

Мы сидимъ на ступеняхъ стариннаго дома
Темнѣющій обрывъ въ недвижный лѣсъ
Внизу какъ песъ ласкаетъ вѣтвью взоры
Моя душа къ тебѣ ведома
Прохладной свѣжестью небесъ.
Въ веснушкахъ пьянаго задора
Натужились деревьевъ почки
Какъ сажа липкою сорочкой
Весь сумракъ связанъ пряной мочкой
Рука восторженно дрожитъ
Коснувшись пробужденныхъ вѣтокъ.
И каждый не рожденный мнитъ
Сорвать съ себя темницу клѣтокъ.

X.

Очнувшись въ голубомъ туманѣ
Простертый на глухомъ лугу
Дошелъ я до послѣдняго отчаянія
Къ давно замкнувшейся природѣ.
Меня разсвѣтъ покрылъ какъ саванъ
Меня покинули каждый звѣрь и каждое растеніе

Когда же я потихонько заплакалъ
То вдругъ
Сталъ я сродни неслышнымъ травамъ.
Подъ тѣла изветшавшей узой
Земли безжизненной обузой
Едва влачусь.
Полузадохшийся стѣсненный.
Костей и жилъ тугой препоной
Я тщетно вспоминаю имена всѣхъ освободителей

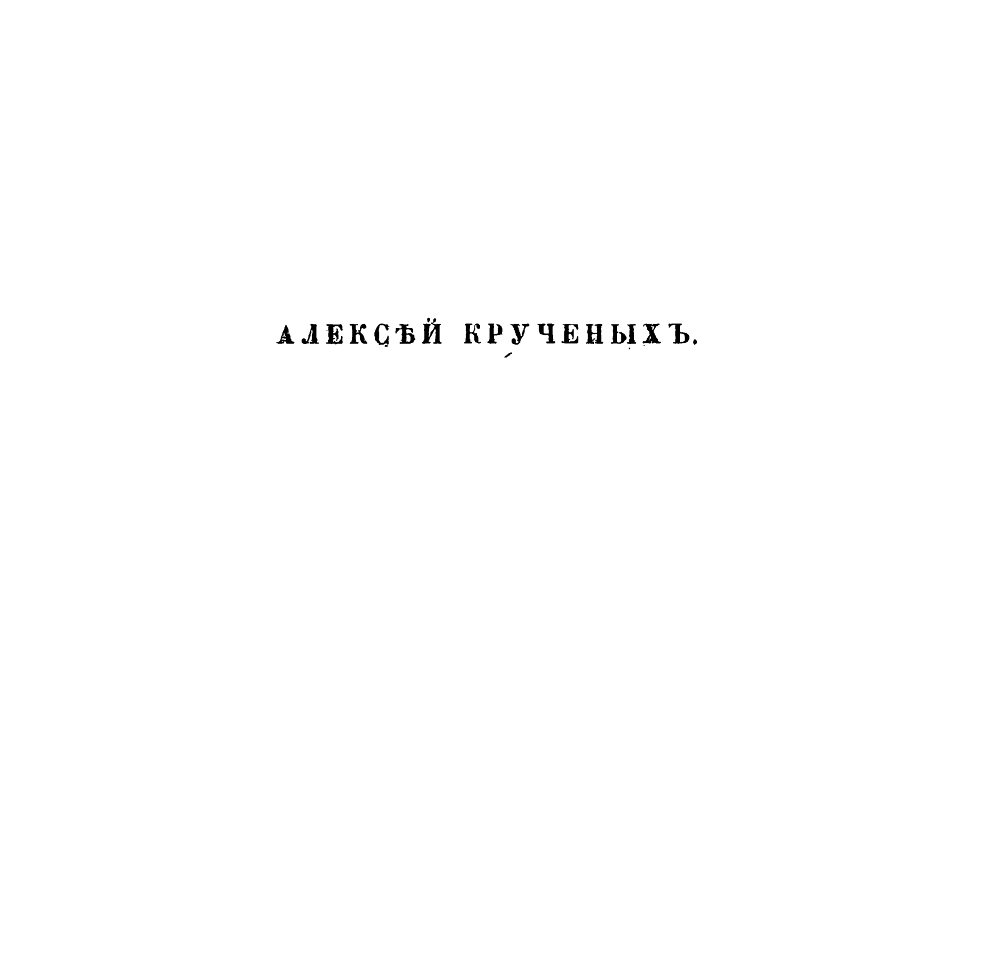
Заря придетъ. Коснѣютъ тѣни
Туманъ свернувшийся шуршитъ
Пахнувъ дыханьемъ вялыхъ тлѣній...

Но черезъ воздуха графитъ
И сквозь раскрывшуюся кожу
Я чую слабый и быстрый запахъ.
Подъ полой дланію зари
Мой запрокинувшийся взоръ
Увидѣлъ ли водой обитый
Твой переворочeнный ковчегъ
О черный брегъ земли разбитый
Онъ потерялъ звѣрей дозоръ
И не они разорвали
Зимы упрямыя скрижали
И вотъ теперь съ горбатыхъ горъ
Въ поля кровь желтая пролита
Для жаждущихъ въ застѣнкахъ дней.

Я утоленъ:—вода ко мнѣ склонилась.

Давидъ Бурлюкъ.

Рисунокъ.



АЛЕКСѢЙ КРУЧЕНЫХЪ.

ОХЛАЖДЕНІЕ.

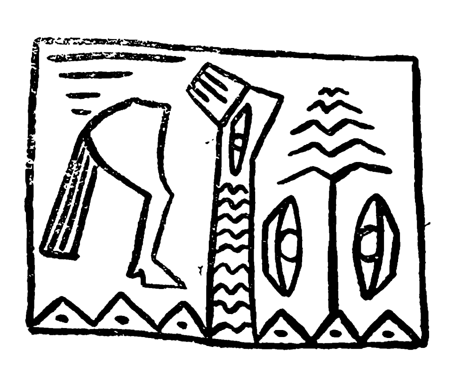
Моихъ дѣтей не узнаете?

Родились здѣсь въ неисчислимомъ

Верните въ школу пусть желтъ и рескъ

Не нарушаютъ глину.

Алексѣй (Александръ) Крученыхъ.



Владиміръ Бурлюкъ.

Рисунокъ.

ПАМЯТИ ЕЛЕНЫ ГУРО.

Изъ тетради замѣтокъ А. Крученыхъ.

...Когда камни лѣтней мостовой
станутъ менѣе душны, чѣмъ наши
легкіе,
Когда плоскіе граниты памятниковъ
станутъ менѣе жесткими, чѣмъ
наша любовь,
и вы востоскуете и спросите
—гдѣ?
Если пыльный городъ восхочетъ
отрады дождя
и камни вопіютъ надтреснутыми
голосами,
то въ отвѣтъ услышатъ шопотъ
и стонъ „Осенняго Сна"
„...И нежданное и нетерпѣливо—ясное
было небо между четкихъ вечернихъ
стволовъ...—(„Шарманка" Е. Гуро)
Нетерпѣливо-ясна Елена Гуро...

ЕЛЕНА ГУРО.

Стихи.

ГОРОДЪ.

Пахнетъ кровью и позоромъ съ бойни.
Собака безхвостая прижала осмѣянный задъ къ
столбу
Тюрьмы правильны и спокойны.
Шляпки дамскія съ цвѣтами въ кружевномъ
дымку.

Взоры со струпьями, взоры безнадежные
Умоляютъ камни, умоляютъ палача...
Сутолка, трамваи, автомобили
Не даютъ заглянуть въ плачущіе глаза

Проходятъ, проходятъ сѣрослучайные
Не мѣняя никогда картонный взоръ.
И сказало грозное и сказало тайное:
«Чей то часъ приблизился и позоръ»

Красота, красота въ вѣчномъ трепетаніи,
Творится любовію и творитъ изъ мечты.
Передаетъ въ каждомъ дыханіи
Образъ поруганной высоты.

Такъ встрѣчайте каждаго поэта глумленіемъ!
Ударьте его бичемъ!
Чтобы онъ принялъ пѣснь свою, какъ жертво-
приношеніе,
Въ царствѣ вашей власти шелъ съ окровавлен-
нымъ лицомъ!

Чтобы въ часъ, когда передъ лающей улицей
Со щеки его заструилась кровь,
Онъ понялъ, что въ міръ мясниковъ и автома-
товъ
Онъ пришелъ исповѣдывать — любовь!

Чтобъ любовь свою, любовь вѣчную
Продавалъ, какъ блудница, подъ насмѣшки и
плевки, —
А кругомъ бы хохотали, хохотали въ упоеніи
Облеченные правомъ убійства добряки!

Чтобъ когда, все свершивъ, уже изнемогая,
Онъ падалъ всѣмъ на смѣхъ на каменья въ
полъпьяна, —
Въ глазахъ, подъ шляпой модной смѣющихся не
моргая,
Отразилась все та же картонная пустота!

Возлюбивъ боль поруганія,
Встань къ позорному столбу.
Пусть не сорвутся рыданія! —
Ты подлежишь суду!

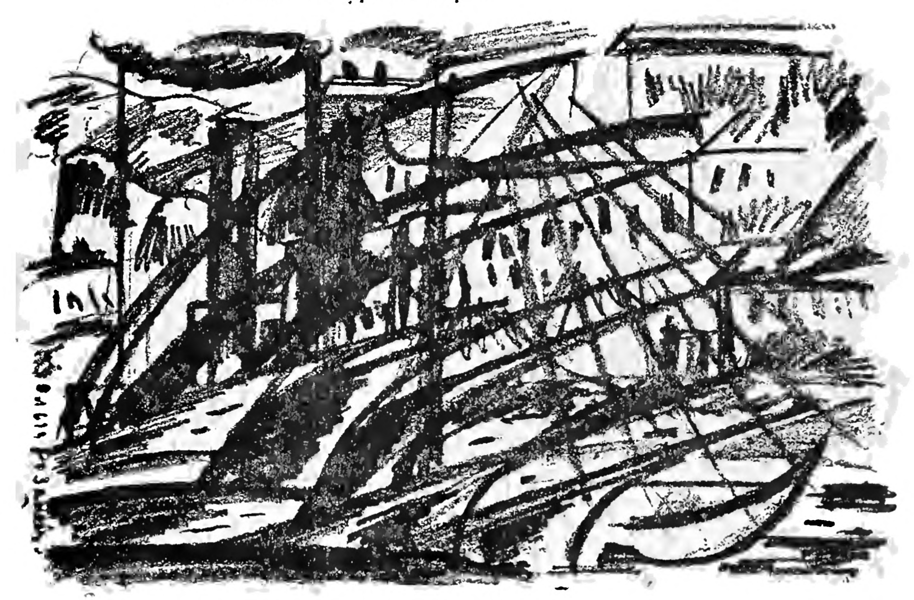
Ты не съумѣлъ принять міръ безъ содроганія
Въ свои безпомощные глаза,
Ты не понялъ, что достоинъ изгнанія,
Ты не съумѣлъ ненавидѣть палача!

Но чрезъ ночь приди въ запутанныхъ улицахъ
Со звѣздой горящей въ груди...
Ты забудь постыдныя муки!
Мы всѣ тебя ждемъ въ ночи!

Мы всѣ тебя ждемъ во тьмѣ томительной,
Ждемъ тепла твоей любви...
Когда смолкнетъ день намъ бойцовъне надо,—
Намъ нуженъ костеръ въ ночи!

А на утро растопчемъ угли
Догорѣвшей твоей любви
И тебѣ съ озлобленьемъ свяжемъ руки...

Но жди вечерней зари!



Рисунокъ. О. Розанова.

ВАСИЛІЙ КАМЕНСКІЙ.

Стихотвореніе

Н. С. ГОНЧАРОВОЙ.

Чарн-чаллы-ай.
Из жолтых скуластых времен
Радугой Возрожденія
Перекинулась улыбка ушкуйника
И костлявой шеи мѣстный загар.
Горячіе пески
Зыбучи и вязки,
А камни пріучили к твердости.
Линіи очерчены сохой.
Черн-чаллы-ай,
Султан лихой.
В гаремах тихіе ковры
Червонными шелками
Чуть обвито тѣло
Как пропасть—смоль волос.
Глаза колодцы. Едина бровь
И губы кровь
Рук змѣиных хруст
Рисунок строгій в изгибѣ уст.
Чарн-чаллы-ай.
Дай.
Возьми.
Саадэт? Чернбан? Рамзіэ?
Будь неслышным
Кальяном
Тай.
Дай.
Спроворишь-бери.
Чарн-чаллы-ай.

ВЛАДИМІРЪ ХЛѢБНИКОВЪ.

Стихи.

МУДРОСТЬ ВЪ СИЛКѢ

УТРО ВЪ ЛѢСУ.

Славка беботэу-вевять!
Вьюрокъ тьерти-едигреди!
Овсянка кри-ти-ти-ти тии!
Дубровникъ вьоръ-вэръ-виру, сьекъ, сьекъ,
сьекъ!

Дятелъ Тпрань! Тпрань, Тпрань а-ань!
Пѣночка зеленая прынь, пцирэбъ, пциребъ!
Пцыребъ сэ, сэ, сэ!
Славка беботэу-вевять!
Лѣсное божество съ распущенными волнистыми волосами, съ голубыми глазами, прижимаетъ ребенка.

Но знаю я, пока живу,
Что есть уа, что есть ау.
Покрываетъ поцѣлуями голову ребенка.
Славка беботэу-вевять!

ДѢТИ ВЫДРЫ.

1-й парусъ.

I.

Море. Въ него спускается золотой отъ огня берегъ. По небу пролетаютъ два духа въ бѢлыхъ плащахъ, но съ косыми монгольскими глазами. Одинъ изъ нихъ касается рукой берега и показываетъ руку, съ которой стекаютъ огненныя брызги, они стеная, какъ лебеди осенью въ темной ночи, уносятся дальше. Издали доносится ихъ плачъ.

Берегъ вѢчно горитъ подымая костры огня и бросая потоки лавы въ море, волны бьются о красные утесы и черныя стѢны.

Три солнца стоятъ на небѢ—стражи первыхъ дней земли. Въ верхнемъ углу площадки по закону складней виденъ праздникъ медвѢдя. Большой черный медвѢдь сидитъ на цѢпи. Лиственн Сѣвера. Вокругъ его потрясая копьями сначала пляшутъ и молятся ему, а потомъ звукомъ бубенъ и плясками съѢдаютъ его. Водопадъ лавы надаетъ съ утесовъ въ море. ДѢти выдры пролетаютъ, какъ нѢжно серебристые духи съ бѢлыми крылами.

СУСАННА и СТАРЦЫ.

Рис. Иванъ Пуни.

II.

Волны время отъ времени ударяютъ о берегъ. Одно бѣлое солнце, другое меньшее—красное съ синеватымъ сіяніемъ кругомъ и третье — черное въ зеленомъ вѣнкѣ. Слышны, какъ слова жалобы и гнѣва на странномъ языкѣ. Въ углу занавѣси виденъ конецъ крыла. Надъ золотымъ берегомъ показывается крылатый духъ съ черпымъ копьемъ въ рукѣ въ глазахъ его много злой воли. Копье шумя, летитъ и красное солнце, падаетъ точно склоняясь къ закату, роняя красный жемчугъ въ море, земля измѣняется и тускнѣетъ. Нѣсколько зеленыхъ травинокъ показалось на утесѣ сразу прыгнувъ. Потоки птицы.

Вставъ на умершее солнце, они поднявъ руку поютъ кому то славу безъ словъ. Затѣмъ сынъ выдры вынувъ копье и шумя черными крылами, темный, смуглый, главы кудрями круглый, ринулся на черное солнце, упираясь о воздухъ согнутыми крыльями и то тоже падаетъ въ воды. Приходятъ олени и звѣри.

Земля сразу темнѣетъ. Небу возвращается голубой блескъ. Море изъ чернаго съ красными струями стало зеленымъ. Дѣти выдры подаютъ другъ другу руку и впервые опускаются на землю. Въ дневной жаждѣ они припадаютъ устами къ холодной струѣ смѣнившей золотой потокъ лавы, онъ надѣваетъ на руку каменный молотокъ и раскалываетъ камень. Всюду, травы, деревья рощи березъ. Онъ сгибаетъ березу роняющую листья, въ лукъ, связываетъ прядью волосъ.

Показывается маленькій монголъ съ крыльями.

Озирая курганъ прежнихъ спутниковъ, одинокое солнце закатывается въ грустныхъ облакахъ.

Покачивая первые дни золотого счастья Матерь Міра — выдра показывается на волнахъ съ рыбой въ зубахъ и задумчиво смотритъ на свои дѣла.

Первый дымъ — знакъ жизни надъ той пещерой, куда привелъ ихъ мотылекъ.

III.

Дѣти выдры сидятъ у костра вдвоемъ и растапливаютъ свои восковыя крылья. Сынъ Выдры говоритъ показывая на бѣлое солнце,—Это я!

Черный конь морскихъ степей плыветъ летитъ вода изъ круглой поздри около круглаго глаза. Кто-то сидитъ на немъ держа въ рукахъ слоновую доску и струны.

То первые дни земного быта.

Крупный морской песокъ. Ребра кита чернѣютъ на берегу. Морскіе кони играютъ въ волнахъ. Одинокій естествоиспытатель съ жестянкой ходитъ около нихъ изучая мертвыя кости кита. Дочь Выдры беретъ въ морскую раковину воды и льетъ за воротничекъ ученому. Онъ морщится, смотритъ на небо, и исчезаетъ.

Небо темносѣрое! Дочь Выдры окутана волосами до ногъ. Дождь. Письма. Молніи. Прячась отъ нея они скрываются въ пещерѣ. Небо темнѣетъ. Крупныя звѣзды. Градъ. Вѣтеръ. Площадь пересѣкаетъ черный самобѣгъ. Дикіе призывные звуки. Здѣсь стонъ разбившагося на смерть лебедя и дикое хрюканье носорога. Въ темноту брошены два снопа свѣта, изъ окна наклоняется истопникъ въ шубѣ и протягивая руку кричитъ—„туда“ и бросаетъ на песокъ сумку. Страшный вѣтеръ. Дрожа отъ холода они выходятъ, берутъ привезенныя одежды. Они одѣваются. На немъ

пуховая шляпа. Дочь Выдры въ черной шубкѣ, на ней голубой чепецъ. Они садятся и уѣзжаютъ. Бородатый людоконинъ съ голубыми глазами и копытами проходитъ по песку. Муха садится ему на ухо; онъ трясетъ темной гривой и протоняетъ. Она садится на крупъ, онъ поворачивается и задумчиво ловитъ ее рукой.

IV.

Поднимается занавѣсъ—виденъ зерцогъ Будетлянинъ ложи и рядъ креселъ. Дѣти Выдры проходятъ на свои мѣста, въ сопровожденіи человѣка въ галунахъ.

(На подмосткахъ охота на мамонта).

Золотыя березы осени вѣнчаютъ холмъ. Осины. Ели. Толпа старцевъ и малые внуки, стоятъ подымая руки къ небу. Бивни желтые, исчерченные трещинами, эти каменныя молніи, взвились кверху. Какъ мѣткая смерть носится хоботъ въ облакахъ пыли. Въ маленькихъ очахъ, съ волосатыми рѣсницами, высокомѣріе. Художникъ въ дикой вольно наброшенной шкурѣ, вырѣзаетъ на кости видимое и сурово морщитъ лобъ. Камни засыпаютъ ловчую яму, гдѣ двигается только одинъ хоботъ и глаза.

Занавѣсъ.

Твою шкуру сѣкли ливни,
Ты зналъ ревы грозы, ты зналъ писки мышей
Но какъ раньше сверкаютъ согнутые бивни
Ниже упавшихъ на землю ушей.

Горитъ свѣча именемъ разумъ въ подсвѣчникѣ изъ черепа; за ней шаръ бросающій на все шаръ черной тѣни. Ученый и ученики.

Ученый. Точка какъ училъ Босковичъ.

Ровесникъ Ломоносова. Что?

(Срывается со стороны игра въ мячь. Мячь куда-то улетаетъ). Бурные игроки!

Игрокъ. Отъ силы сапога летитъ тотъ за облака.

Но слабою овечкой глядитъ другой за свѣчкой.

Атомъ вылетаетъ къ 2-му игроку; показываются горы. Это гора Олимпъ.

На снѣжныхъ вершинахъ туземцы молитвъ.

Б. Гаръ, гаръ, гар! Ни, ни, ни! Не, не, не! размѣромъ Иліады рѣшается судьба Мирмидонянина.

Впрочемъ онъ неподалеку въ сумракѣ цѣлуетъ упавшую съ закрытыми очами Бризенду, и черный, смуглый, поднявъ кверху жесткіе черные очи какъ вѣтеръ бродитъ рукой по струнамъ.

Сверху же бесѣдуетъ о немъ словомъ Гомера андра мой эннене муза.

Снѣжный звѣринецъ наклоняя головы, сообща обсуждаютъ часъ его. Сейчасъ или позднѣе онъ умретъ Ахиллъ Кризъ! я люблю тебя! Ну лягъ, лягъ ну положи сюда свои черныя копытца. Небо! Можетъ ли быть что нибудь равное моему Брысѣ? Это ничего что я комаръ! О чемъ вы тамъ расквакались?

Раньше все это было скрыто тѣнью атома.

Рисунокъ. Иванъ Пуни.

Не смѣй смѣяться. Не хорошо такъ сладко смѣяться.

Подыми свои голубыя ловушки.

Наверху Олимпъ бросалъ взволнованно прочувствованныя слова на чашку вѣсовъ оживленно обсуждая смерть и часъ Ахилла.

Впрочемъ Скоро онъ заволакивается облаками и становится нашей Лысой горой съ одинокой вѣдьмой.

На Все это внимательно смотрѣли Дѣти Выдры сидя на галеркѣ.

Пріѣхавшій съ морского берега еще нося на щекахъ морскую пыль.

Парусъ 3-й.

Сынъ Выдры думаетъ о Индіи на Волгѣ, онъ говоритъ нынѣ я упираюсь пятками въ монгольскій міръ и рукой осязаю каменныя кудри Индіи. Сынъ Выдры слетаетъ съ облаковъ спасая отъ Руссовъ Нушабэ и его страну.

Ушкуйникъ грустно негодуя
Толпу друзей на помощь звалъ
Вотще! лишь вѣтеръ скорбно дуя
Его на деревѣ качалъ
Ему гребцовъ знакомъ былъ навыкъ
И взмахъ весломъ вдоль длинныхъ лавокъ
И вѣщій холодъ парусовъ
На латахъ, шлемѣ, знакъ рубцовъ
И плачъ закованныхъ купцовъ
Трусливыхъ раненыхъ лукавыхъ
Щели глазъ своихъ кровавыхъ
Филинъ движетъ и подъемлетъ
И косое око внемлетъ
Какъ сучекъ внутри извилинъ
Погасилъ шурша бубенчики

Сонъ трава качаетъ вѣнчики
Опять, Опять хохочетъ филинъ
Но вотъ негромкій позвонокъ
Усталый топотъ чьихъ то ногъ
Покрыты въ ткани черныхъ груды
Идутъ задумчиво верблюды
Проходятъ спутники араба
То Мессакуди и Ибланъ
Идутъ въ Булгаръ
За нимъ Куяба
Дорога старыхъ персіянъ
Искандеръ-Намэ въ умѣ слагая
Онъ пѣлъ про руссовъ золотыхъ
Какъ все отъ руссовъ убѣгая молило милости у нихъ
Какъ эта слава неизвѣстная бурей глазъ своихъ небесная
Рукой темною на рынокъ бросаетъ скованныхъ богинь
А въ боя смертный поединокъ подъ пѣсни бѣшеныхъ волынокъ
Идетъ съ напѣвомъ дружба! згинь!
Визгъ парусовъ вверху телѣгъ пророча ужасъ и, набѣгъ,
Уводитъ въ храмовъ темныхъ своды жрецовъ поруганной колоды
Ихъ колесныя суда кладбища строятъ навсегда.
Въ священной рощѣ черной тьмѣ Ибланъ запѣлъ: Искандръ-Намэ!
Гдѣ огнепоклонникъ ницъ упалъ, горбомъ бѣлъ своихъ одеждъ
И олень во тьмѣ ступалъ, рогъ подъемля сонныхъ вѣждъ
Тамъ лежитъ страна Бердая цвѣтомъ зорь не увядая.
Пѣсня битвъ—ударъ весла. Буря руссовъ принесла.

Видя что краснѣй соломы гибнутъ бѣлые хоромы
Плакалъ злобно старый яссъ о копье облокотясь,
Морскихъ валовъ однообразіе, дворцы туземныхъ поморянъ.
И ужъ игрушки веселой Абхазіи кудрями машутъ среди сѣверянъ.
Царь Бердай и Нушабэ гнѣвно молится судьбѣ.
Надѣнь шлемъ, надѣнь латы! Прилети сюда крылатый
Царь Искандръ! Искандръ внемли крику плачущей земли.
Ты любимцемъ былъ вѣковъ! брось пирушку облаковъ
Ты прославленный людьми дерзость руссовъ покарай.
Мечъ въ ладонь свою возьми, прилети съ щитомъ въ нашъ край!
Снова будь земная ось, мудрецовъ же сонныхъ брось
И тотъ сошелъ, на землю призракъ полководца!
Бѣги, храбрецъ! затѣмъ ли? съ мертвыми бороться!
Ужъ съ Камы два прекрасныхъ Венда копьемъ убиты Зоревенда.
Но русъ Кенталъ чьи кудри—спѣющій ковыль
Подковой витязя топталъ сраженьемъ взвѣянную пыль.
Какъ прокаженный нелюдимъ, но дѣвой снѣжною любимъ.
Тогда Искандръ далъ знакъ полкамъ въ шлемѣ серебряномъ изогнутъ.
Онъ ждалъ съ дружиной войдя въ храмъ, когда отъ битвы руссы дрогнутъ.
И палъ Кенталъ. Но долго мчался на яву.
Прижавъ къ коню свою главу
Съ своимъ поникшемъ кистенемъ и сумасшедшимъ ужъ конемъ
И несъ его конь обнажая рѣзцы, сквозь трупы, сквозь сонмы смущенныхъ людей

И руссы схватили коней подъ уздцы и мчались на
отмель на парусъ ладей
Въ путяхъ своихъ велики боги. Арабы мудры и
мирны.
И наблюдають безъ тревоги другихъ избранниковъ
войны.
А море стало зеленѣе и русской кровью солонѣе.
Гремитъ журча струей родникъ. Мордвинъ, арабовъ
проводникъ.
Сложивъ озаису моленье, сказалъ „здѣсь станъ отдох-
новенья“.
Здѣсь расположимъ мы свой станъ вблизи столицы
государства.
Въ Булгарѣ любятъ персіянъ. Но Кереметь само ко-
варство.
Но кличь но стонъ потрясъ лѣса. Въ немъ отблескъ
близкихъ похоронъ.
И въ немъ не вѣрятъ въ небеса.
Костеръ печально догораетъ. Пламена дышатъ въ
безпорядкѣ.
Индіецъ старый умираетъ добыча страшной лихо-
радки
Глава о руки упиралась и дыханьемъ смерти волно-
валась.
И снова зовъ сотрясъ покой. И онъ взмахнулъ своей
рукой.
Меня въ гробъ тотъ положите, его же отроки спа-
сите.
Мой близокъ, близокъ смертный сонъ. А тамъ не-
винно гибнетъ онъ
Не дорожу дней горстью малою, его же новымъ вѣ-
комъ жалую.
Никто, никто не прекословитъ, ему поспѣшно гробъ
готовятъ.

Какъ левъ тотъ выпрыгнулъ изъ гроба. Его душили
гнѣвъ и злоба.

Онъ у индійца вырвалъ мечъ, кругъ начертавъ любимцемъ сѣчъ.

Но безоружные арабы знаками успокоили его.

Мы безоружные и слабы не бойся друга своего.

И кромѣ звѣздъ у насъ нѣтъ кровли. Мы люди мира и торговли.

Тотъ бросилъ взглядъ суровъ и бѣшенъ. И тѣ рѣшили: онъ помѣшанъ.

Два три прыжка и онъ исчезъ: его сокрылъ высокій лѣсъ.

Рисунокъ Владиміръ Бурлюкъ.

Вокругъ табора горѣли костры.

Возы, скрипѣвшіе днемъ, какъ того требовала неустрашимость ихъ обладателей, теперь молчали.

Ударяя въ ладоши и кивая головой, казаки пѣли:

„Славни молодцы паны Запорожцы“.

Побачили воны цаплю на болотѣ.

Отаманъ каже: „отъ же братцы, дивка“!

А есаулъ каже: „я зъ нею кохався“.

А кошевой каже: „а я и повинчався“.

Такъ, покручивая усы, пѣли насмѣшливую, невѣдомо кѣмъ сложенную, пѣсенку, смѣющуюся надъ суровымъ обычаемъ Сѣчи Запорожской, этого русскаго отвѣта на западныхъ меченосцевъ и тевтонскихъ рыцарей.

Молчавшіе стояли и смѣялись себѣ въ усы; испуганный куликъ прилетѣлъ на свѣтъ пламени и, захлопавъ крыльями, улетѣлъ прочь.

Коростель, эта звонкая утварь всѣхъ южныхъ ночей, сидѣлъ и кричалъ въ лугу. Волы лежали въ степи, подобно громаднымъ могильнымъ камнямъ, темнѣя концомъ рогъ. Искалась на нихъ надпись благочестиваго араба: такъ дивно, какъ поднятыя ребромъ сѣрыя плиты, подымались они косымъ угломъ среди степи изъ земли. Одинокій верблюдъ, котораго пригналъ лазутчикъ крымчагъ, спѣсиво смотрѣлъ на это собраніе воиновъ, вещей, воловъ въ дикой зеленой странѣ, эти сдвинутыя вмѣстѣ ружья съ богатой отдѣлкой ствола и ложа, эти ратища со значками, эти лихо повернутыя головы, эти кереи, вольно ложившіяся на плечахъ, воинственно и сурово сбѣгавшія внизъ,— гдѣ еще вчера, быть можетъ, два волка спорили на трупомъ

третьяго, или татары варили изъ конины обѣдъ. Зегзицыны чоботы быстро и нѣжно трепетали подъ тѣломъ большой бабочки.

На завтра, чуть забѣлѣлся разсвѣтъ, таборъ тронулся въ путь.

Снова заскрипѣли возы, какъ множество неустрашимыхъ, никого не боящихся людей. Вотъ показались татары; порыскавъ въ полѣ, они исчезли. Ихъ восточныя въ узкихъ шляпахъ лица или хари, какъ не приминулъ бы сказать казакъ, выражали непонятную для европейца заботу. Казаки заряжали пищали, сдували съ полки пыль, осматривали кремни, настороженно висѣвшіе надъ ударнымъ мѣстомъ и въ шутку стрѣляли въ удальцовъ.

На быстрыхъ утлыхъ челнахъ продолжался путь. Сквозь волны, натрудясь бѣлымъ у однихъ, смуглымъ у другихъ тѣломъ, казаки гребли радуясь тихой погодѣ и смѣясь бурѣ, ободряемые сопутствующимъ вѣтромъ.

Былъ преданъ мятежу цѣлый край. Ведя за руку плачущихъ черноволосыхъ женщинъ или неся на плечѣ дырявые мѣшки съ золотыми и серебряными сосудами, шли побѣдители къ морю.

Славную трубку раскурили тогда воители. Казалось, казацкій мечъ сорвался съ чьихъ то плечъ и плясалъ гопака по всей странѣ. На обратномъ пути довольные, шутя и балагуря, плыли казаки; гребли весело и пѣли. Пѣлъ и Паливода. Не думали они о томъ, что близка смерть для многихъ храбрецовъ. Да и была ли бы возможна эта жизнь, еслибъ они задавали судьбѣ эти вопросы, Паливода стоялъ и думалъ; оселедецъ вился по его гладкому затылку; пастбище смертей съ рукоятью, какъ кустъ незабудокъ, было засунуто за широкій поясъ. Холоднѣй, волнъ озера блестѣлъ его уголъ надъ поясомъ. Бѣлая рубаха и испачканные смолой штаны украинскаго полотна дополняли нарядъ—суровый и гордый. Загорѣлая рука была протянута къ закату; другіе казаки были въ повязкѣ осеннихъ маковъ.

Оперся на свое собраніе бирюзы и сапфировъ казакъ и смотрѣлъ вдаль, на пылающее отъ багрянца море. Между тѣмъ, какъ волкъ, залегъ на ихъ пути отрядъ крымскихъ татаръ. Была сѣча; многіе остались лежать, раскинувъ руки, и всякаго крылатаго прилетнаго татарина кормить очами. Лютая суровая сѣча. Въ ту пору это было любимое лакомство орловъ. Случалось, что сытые орлы не трогали груды труповъ на полѣ сѣчи и клевали только глаза. И былъ въ станицѣ безсмертныхъ душъ, полетѣвшихъ къ престолу, Паливода. Зрѣлымъ окомъ, окинулъ онъ умирая поле битву и сказалъ: „Такъ нынѣ причастилась Русь моего тѣла и иду къ горному Престолу".

И оставилъ свое тѣло мыть дождямъ и чесать вѣтру и полетѣлъ въ высокіе чертоги разсказать про славу запорожскую и какъ погибъ за Св. Русь.

И увидѣлъ пока летѣлъ, Нечосу и его спутниковъ, и запорожскую «ненько», принимающую величественнымъ движеніемъ руки цѣлующихъ ея руку съ наклоненными стриженымп головами ходоковъ земли запорожской. И стало вельможъ кругомъ.

И смутилось сердце и заплакалъ, но послѣ запѣлъ воинственно и сурово. И величавый летѣлъ по небу.

Увидѣлъ синій дымъ и бѣлую хату и подсолнухъ и вишни и крикнулъ сурово и гордо: „Пугу, братцы, пугу!
Пугу, запорожцы"!

И высунулось изъ свѣтлицы доброе и ласковое лицо и отвѣтило: „Пугу, пугу"!

И снова голосомъ. въ которомъ дрожала недавняя обида, казакъ отвѣтилъ: „Казакъ съ большого луга".

И снова закивалъ старой головой и позвалъ казака до дому. Мать накрывала на скатерть и съ улыбкой смотрѣла на воина. Такъ нашла уютъ тоскующая душа казака. Онъ слушалъ разсказъ про обиды и думалъ какъ помочь своему воину. И наклонясь изъ стараго окошка видѣли какъ на землѣ гикая и улюлюкая несся Молодыя Кудри на тучу враговъ и вдругъ, давъ назадъ, поволокъ

по полю дичь. И какъ точно свѣтъ изъ разорвавшейся тучи понеслись съ копьями оправившіеся казаки и все смѣшалось и бѣжало передъ ними. И за плечами сѣчи запорожской казалось вились крылья. Была побѣда за русскими. И поклонился въ поясъ и полетѣлъ дальше Паливода смутный и благодарный.

И какъ пѣснь жаворонка, которая постепенно переходитъ въ стукъ мечей и шумъ сѣчи и голоса побѣдителей, донеслась до него ликующая казацкая пѣснь: „Пугу, братцы, пугу»! Воины съ длинными крыльями летѣли къ нему на встрѣчу и со свѣтлыми лицами божественныхъ юношей умчали завернутую въ согнутыя крылья человѣческую душу къ покою и миру.

Такъ предсталъ предъ свѣтлыя очи гордый казакъ, чей сивый усъ вился вокругъ, какъ бы каменной щеки, а голубыя глаза смотрѣли холодно и спокойно и на самую смерть.

А побѣдители казаки долго сумно стояли надъ могилой Паливоды, пока старѣйшій не махнулъ рукой и не сказалъ: „спи, товарищъ!“ давъ тѣмъ самымъ знакъ закапывать могилу славнаго.

Рисунок Давидъ Бурлюкъ.

Путешествіе на пароходѣ
Разговоръ И крушеніе во льдахъ
Громадъ во мглѣ оставивъ берегъ направивъ вольной въ
море бѣгъ
И за собою бросивъ Терекъ шелъ пароходъ и моресѣкъ
Во мглѣ ночей что будетъ съ нимъ, сурова и мрачна
звѣзда пароходовъ
Много изъ тѣхъ, кто земными любимъ, скрыто внутри его
шелковыхъ сводовъ
Прильнувъ къ веревочной оградѣ задумчиво смотрѣли
полудѣти
Въ какомъ жемчужномъ водопадѣ летѣли брызги въ синемъ
свѣтѣ
И призракъ стеклянный глубинъ и чайки на берегъ намеки
Они точно крылья судьбинъ отъ берега мы недалеки
На палубахъ шныряютъ сотни плывешь ты по морю про-
хожій
Окованъ суровою кожей морскіе поютъ оборотни
Окраскою сѣрою скроменъ и строгій въ строеньи своемъ
Какъ островъ во мракѣ огроменъ разсѣкъ голубой Водоемъ
Въ плащѣ одряхлѣвшемъ отъ носки блестя золотыми по-
гонами
Взошелъ его вождь на подмостки онъ правитъ служебными
звонами
Теченье мысли не нарушу кто то сказалъ смѣясь во взорѣ
Что будетъ годъ оставивъ сушу наполнимъ воздухъ или
море
Но что-же если мы вспорхнемъ однажды дальше въ синеву
Со звѣздъ полуночнымъ огнемъ увижу землю на яву

Вѣдь власти рѣчь и материкъ на жизнь и смерть хранятъ союзъ
Какъ будто воинъ усталъ старикъ нести на плечахъ мелкій грузъ
Возница міра раньше везъ молніегривыми конями
Изъ міра рыданій и слезъ болѣе скорбей одѣтыхъ тѣнями
И къ быту первыхъ дикарей мечта потомковъ полетитъ
И бытъ безъ словъ скорѣй скорѣй! она задумчиво почтитъ
Если міръ одной державой станетъ сей образъ люди ненавидятъ
Въ мечѣ ужели посохъ ржавый потомки воиновъ увидятъ
Когда отъ битвъ небесъ излучинъ вся содрогается земля
Ученыхъ разумъ станетъ скученъ и я скучаю имъ внемля
Да тѣ племена но моложе не соблазнились общимъ братствомъ
Они мечемъ добудутъ ложе
Не въ самыхъ явныхъ очертаніяхъ рокъ предстоитъ для смертныхъ глазъ
Но иногда въ своихъ скитаніяхъ онъ посѣщаетъ тихій часъ
Мнѣ отмщеніе и азъ воздамъ все можетъ быть и мы услышимъ
Мы къ гнѣвнымъ молніи бороздамъ лишь въ бури часъ умы колышемъ
Пожаръ я помню небоскреба и глину ласточекъ гнѣзда
Два три серебряные зоба я не забуду никогда
Огнемъ и золотомъ багровымъ пожаръ красивый рветъ и мечетъ
А на стѣнѣ, въ окнѣ суровомъ безпечно ласточка щебечетъ
Летаютъ молніи пламена на сводъ морей какъ трость волнуемъ
И вѣтровъ гнѣвныя племена разсвирѣпѣли поцѣлуемъ
Еще ужаснѣй наводненье гдѣ раньше пѣла дѣтвора

Тамъ волны съ криками ура ломаютъ бѣдное селенье
Вездѣ мычащія стада какъ будто ревомъ помогаютъ
И изъ купаленъ безъ стыда нагіе люди выбѣгаютъ
Судовъ на пристани крушенье плачевный колокола звонъ
И на равнинѣ въ отдаленіи и крикъ и вопль и блѣдный стонъ
И что жъ гдѣ волны дикимъ гнѣздомъ змѣй съ лобзаніемъ къ небу устремлялись
Тамъ голубиный сонъ морей и солнца блескъ его скиталецъ
Да отъ дворцовъ и темныхъ хижинъ идетъ мятежъ на власть разсудка
Добрякъ въ очкахъ сидитъ обиженъ, глупца услышать вѣдь не шутка
О судьбахъ рѣчь кто жилъ глубоко кто сумракъ и огонь заразъ
Тотъ вѣритъ въ видящее око чету всевидящую глазъ
Бойтеся русскихъ преслѣдовать, мы снова подымемъ ножи
Ты правъ не костеръ а вязанка готовая дровъ изъ кубка живого я не пилъ
Ты же чей разумъ суровъ ты стараго разума пепелъ
Мы не рождаемся въ жизнь дважды сказалъ задумчивый мудрецъ
Такъ веселись будь свѣтелъ каждый и здравствуй ты о звонъ колецъ
Свершай же свершай свой бѣгъ, о моря жестокаго данникъ
Идешь такъ хотѣлъ человѣкъ иди же иди же о странникъ
И храмы убійства быковъ въ широкихъ и круглыхъ стѣнахъ
И буря внезапныхъ хлопковъ и быкъ упадающій въ прахъ
И жизни понятенъ мнѣ снова учебникъ мретъ муравейника правда живая
А ты таинственный волшебникъ

И съ бурями будемъ бесѣдовать на рубежахъ судьбы межи
И если седьмое колѣно мѣшаетъ ядъ и точитъ ножъ
Его права на то измѣна подкралась съ лицами вельможъ
На злодѣянія бѣшеномъ валѣ долженъ носиться потомка
челнокъ
За то что у предковъ когда отняли славу лучи и вѣнокъ
О юноша вашъ лепетъ то дерзкій то забавный
Мнѣ разсказалъ что вами не пить кубокъ общій въ мірѣ
главный
Вѣдь листья зеленые жили особо позднѣе сплетались въ
державы стволовъ
Туда и мы любимцы гроба невода мертвыхъ неясный уловъ
Желудокъ княземъ возгласить, есть въ этомъ вѣрю темный
смыслъ
Пора кончать тѣхъ поносить кто насъ къ утесу думъ воз-
высилъ
Какъ на главъ змѣиныхъ смыселъ пѣсни чертога быть
зодчимъ
Какъ разсказать володѣніе чиселъ повѣдать ихъ полднямъ
и ночамъ
О сумасшествіе порока когда ты міръ ночей потрясъ
Ты лишь младенцемъ въ объятіяхъ рока
Несся сквозь звѣздныхъ сіяніе рясъ а изображеніе главы
Вамъ дорогого существа сестры невѣсты брата, вы
Лучи другого естества кто изнемогъ подъ тяжестью воз-
мездій
И жизнь печальная оглянетъ тотъ предъ лицомъ нѣмыхъ
созвѣздій
Своего предка проклянетъ опасно видѣть въ вѣрѣ плату
За перевозъ на берегъ цѣли иначе вылѣзетъ къ родному
брату
Самъ лысый чортъ изъ темной щели мы жребія войнъ
будемъ искать
Жребія войнъ землѣ неизвѣстнаго и кровью войны станемъ
плескать

Въ лики свода небеснаго и мы живемъ вѣрны размѣрамъ
И сами войны суть лады идетъ число на смѣну вѣрамъ
И держитъ кормчаго труды и грозная бьется гора
Сверкающей радугой пыли когда мы судили вчера.
О рокѣ великомъ забыли помнишь безумную ласточекъ
дурь.
Лицъ пролетающихъ около или полетъ черезъ области
бурь.
Бѣло жестокаго сокола.
О бѣдствіе вамъ одинокимъ и зрячимъ столбамъ на полях
ъ слѣпоты.
Отвѣтимъ мы стономъ и плачемъ на шествіе судебъ пяты.
За дубомъ стоишь убивая пріятно гибель и расколъ.
Принесть какъ смерти чародѣйникъ огромнаго дуба сокрытый за стволъ.
Въ кипучій трудомъ муравейникъ, а волны черныя и
бурныя.
Съ журчаніемъ бились о прибой какъ будто дерзко балагурныя.
Бѣсѣды съ мрачною судьбой наѣздникъ напрасно плывя
помогалъ.
Конь вороной за отлива волной шелъ храпя.
И послѣ въ испугѣ долой убѣгалъ ремнями возницу идти
торопя.
И снова къ прибою бѣжалъ оживая какъ будто въ глубинахъ друзей узнавая.
Какъ будто бы родина тамъ вдалекѣ кругомъ же прибоя
черта снѣговая.
Вы книги пишетесь за тѣмъ ли чтобъ нѣкогда ученый
возсоздалъ.
Смѣсивъ въ рукѣ святыя земли, что я когда-то описалъ.
И онъ идетъ; желѣзный остовъ пронзаетъ грудью грудь
морскую.
И двѣ трубы неравныхъ ростовъ бросаютъ дымы я тоскую.

Морскія движутся хоромы но предковъ міръ не рукоплещъ.
До сей поры не знаемъ кто мы святое я, рука иль вещь.
Мы знаемъ крѣпко, что однажды земныхъ отторгнемся цѣпей.
Такъ кубокъ пей пускай нѣтъ жажды но все же кубокъ жизни пей.
Мы стали къ будущему зорки временъ хотимъ увидѣть даль.
Смѣнили радугой опорки, но жива спутника печаль.
Межъ шестерней и кривошиповъ скользитъ задумчиво война.
И гдѣ то гайка съ оси выпавъ несетъ крушенье шатуна.
Вы тѣ же 300—6 и пять зубами блещете опять.
Ихъ вмѣстѣ съ вами, 48, мы будетляне въ сердцѣ носимъ.
И ихъ косою травы косимъ насъ просятъ тщетно, міръ верни!
Гдѣ нѣтъ винта и шестерни но будетлянинъ, гайки трогая
Плаща искавшій долго въ пору, онъ знаетъ, онъ построитъ многое.
Въ числѣ для рукъ найдя опору, вѣдь къ сплаву молній и лавины.
Кричали толпы: мы невинны! О, человѣкъ, забудь смиреніе!
Туда, гдѣ старой осью хлябая чуть поборая масломъ треніе.
И мертвыхъ точекъ перебой. Одно, одно! созвѣздіе слабое.
Въ волненіи борется съ судьбой туда иди красавецъ длани.
Будь старшимъ братомъ этой лани, вѣдь межъ вечернихъ и звѣздныхъ колесъ.
Ты одинъ возстаешь, но утесъ. И войны передъ тѣмъ умѣряютъ свой гнѣвъ.
Кто скачетъ рукою о рокъ зазвенѣвъ. Земного пути колесо маховое.
И вечеръ, и рѣчка, и черныя хвои, и оси земной въ тучахъ спрятанный валъ.
Кобзу кобзарю подавалъ, а солнце ремень по морямъ и широтамъ.
Скользитъ голубымъ поворотомъ.
Сынъ Выдры кричитъ ау Индіи. Спящей.

2.

Дѣти Выдры играютъ на пароходѣ въ шахматы.
Площадь—поле шахматной доски; дѣйствующія лица, пѣшки, ферязь, конь и др.
Видны руки Д. Выдры и огромныя спички.
Черные молчатъ. Бѣлые говорливы.

1-ая пѣшка. Тра-ра-ра, тра-ра-ра тра-ра-ра.
Тра, ра, ра, ра,
Мы люди войны и удара.
Ура ура!
2-ая пѣшка. На зовы войны и пожарищъ.
Шагаетъ за мною товарищъ.
И съ нами шагаетъ бѣда!
(Мрачно). Да-да!
Предводитель. Возьми скорѣй на мушку,
Задумчивую пушку.
Зоветъ рожокъ военный.
За мной идетъ отрядъ.
Молвою вдохновенной.
Тѣ пушки говорятъ.
У каждой свой зарядъ.
3-ья пушка. тамъ, тамъ,
Къ высотамъ!
Знамя тамъ.
Конь. Скачу я вбокъ и черезъ.
Туда гдѣ вражья Ферязь.
Я ноги возвысилъ.
А уши развѣсилъ.
Межъ вражескихъ чиселъ.
Кидаюсь я веселъ.

Ферязь. Въ латахъ я. Пусть.
Нами башня занята.
Не та.
Ура такъ просится къ устамъ!
Побѣда все еще не тамъ!
На помощь иду я.
Къ усталымъ отвагамъ.
Ускореннымъ шагомъ.
Воюя и дуя!
Въ кровавыхъ латахъ прочь мы выдемъ.
И сколько люда не увидимъ.
Черные молчаливые: Зиринъ! Зиринъ!
Черные Матъ!
(Шахматы складываютъ въ коробку).
С. Выдры. Вотъ и все.

3.

Игра на пароходѣ.
Мнѣ скучно и нужно намъ игру придумать.
Сколько скуки въ скокѣ скалки!
О день и динь и дзень!
О ночь, нуочь и ничь!
Морской прибой всеобщаго единства.

Рисунокъ. Владимiръ Бурлюкъ.

Рисунокъ. Владиміра Бурлюка.

МОРСКОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ.

Сынъ Выдры перочиннымъ ножикомъ вырѣзываетъ на утесѣ свое имя Велимиръ Хлѣбниковъ. Утесъ вздрагиваетъ и приходитъ въ движеніе: съ него сыпется глина и дрожатъ вѣтки.

Утесъ. Мнѣ больно. Знаешь кто я? Я сынъ Пороса.
С. В. Здравствуй поросенокъ?
Утесъ. Зачѣмъ глумиться.
Но игрушками изъ глины
Я растроганный сошелъ
И зажегъ огнемъ долины
Зашатавъ небесъ престолъ.
Пусть знаетъ старый властелинъ
Что съ ними я дѣтьми долинъ.
Что угрожать великолѣпью
Я буду вѣчно этой цѣпью.
Что ни во что его не чту,
Лелѣю прежнюю мечту.
И вновь съ суровою божбой
Я славлю схватку и разбой,

Утоляя гладъ и гнѣвъ
Имъ ниспосланныхъ орловъ,
Точно снѣгъ окоченѣвъ
Надъ ущельемъ соколовъ.
За серной бродитъ здѣсь охотникъ
Гдѣ горы къ облаку приближены.
Давно воздвигъ ихъ древній плотникъ,
Дворцы и каменныя хижины.
Вишу какъ каменный покойникъ
У темной пропасти прикованный,
За то что замысломъ разбойникъ
Похитилъ разумъ обѣтованный.
Я помню день борьбы и схватки
Съ толпой подземныхъ великановъ
Мелькали руки и лопатки
И ребра согнутыя становъ.
Узнаетъ полночь этотъ міръ,
Сегодня что, какъ утро свѣжъ.
И за пустой весельемъ пиръ
Костякъ взойдетъ, въ одеждѣ мрежъ.
Смотри ужъ Грузія несетъ корзины
И лучъ блеснулъ ужъ на низины.
Люди. Богъ великій, что держалъ,
Скрытый сумрака плащемъ,
Когда ты во тьмѣ бѣжалъ
Обвитъ молніи плющемъ?
Онъ не далъ разумъ нашимъ дѣдамъ
Въ эти ветхіе года
И въ плѣну горы сосѣдомъ
Обречетъ быть навсегда.
Но что съ нимъ сдѣлали враги?
Гдѣ радость, жизнь и гдѣ веселіе?
За вѣкъ печально нижетъ вѣкомъ
Прикованъ къ темному ущелью

И лишь олень печально лижетъ
Какъ смолы кровь съ его ноги.
И на кудрей его вершины
Льютъ вѣка свои кувшины.

С. В. Но чью то слышу я дуду
Сейчасъ иду.
Клянемся, сонъ безчеловѣченъ,
Какъ кровь и сало блещетъ печень!

С. Выдры. Прощай собратъ. Прости невольную ошибку.
Страдалецъ! Цѣлую твой священный палецъ!

Орлы. Пролетаемъ съ пожеланьемъ
Сердцу вырванному вырасти,
Надъ изящнымъ стадомъ ланей
Въ склонахъ мглы и утра и сырости.

Дочь Выдры. Походить бы я хотѣла
Очертаніями тѣла
Что съ великимъ и убогимъ
Быть чарующей не лѣнится
И съ искусствомъ хромоногимъ
Вѣчно юная измѣнница.

(освобождаетъ его, перерѣзая какъ черкешенка цѣпь).

Пушкинъ.

Дѣти выдры идутъ къ водопаду,

Занавѣсъ.

„Но что за шумъ? Тамъ кто то стонетъ!
— Льды! Пароходъ тонетъ,

С. Выдры. Жалко. Очень жалко.
Гдѣ мои перчатки? и гдѣ моя палка?
Духи пролилъ.
Чуть чуть бѣлилъ.

Вбѣгающій. Ужъ пароходъ стоитъ кормой
И каждой гайкою дрожитъ.
Какъ муравьи весь людъ нѣмой

Снуетъ, рыдаетъ и бѣжитъ.
Нырять собрался какъ нырокъ,
Какой ударъ! Какой урокъ!
И слышны стоны „небеса мы невинны"
Несется море какъ лавины.
Гдѣ судьи? Гдѣ законы?

6-ой парусъ.

Душа сына Выдры.
Ганнибалъ. Здравствуй Сципіонъ.
И ты здѣсь? какъ сюда попалъ
Не знаю прихоть, иль законъ,
Сюда идетъ и старъ и малъ.
Да, всѣ бѣгутъ на тѣнь утеса.
Ты знаешь, мрачный слухъ пронесся,
Что будто Карлъ и Чарльзъ, они,
Всему виною; ихъ вини.
Два старика бородатыхъ
Все слушаютъ бородъ лохматыхъ
Поймавъ какъ жизнь морской волны
Клешнею нѣжные умы
И тѣло вѣры точно рыбки
Клешней своей сдавивъ ошибки
Добычѣ право давъ висѣть
(Пусть поетъ та въ тискахъ желѣзныхъ въ застѣнкѣ болѣе полезныхъ)
Поймали насъ клешнями въ сѣть.
Вѣсы надъ книгой—вѣсы счетовъ
Числа страницъ и переплетовъ.
Ей можно черепъ проломить,
Другимъ не надо изумить.
Хотя порой въ ея концахъ

Ничто сокрылось, какъ въ ларцахъ.
Ума не будетъ и помину
И я предъ книгой шляпу скину.
Давай возьмемъ же по булыжнику
Грозитъ услугой темной книжнику?
Да, эту старую войну
Съ большой охотой я начну.
Карлъ мрачно учитъ насъ:
Я шелъ войной на римскій долъ
Впередъ упрямъ и блѣденъ шелъ
Стада слоновъ сквозь снѣгъ провелъ
Оставивъ цѣпи дымныхъ селъ.
Летѣлъ какъ призракъ на престолъ.
Свободу юга долго пасъ
Позднѣе бѣдъ числа не счелъ,
Не для отчизны властныхъ глазъ,
И много зналъ въ душѣ я ранъ
И брата ликъ упалъ въ мой станъ
Онъ былъ съ копья сурово сброшенъ,
Суровымъ долгомъ рано скошенъ,
А волосы запутались о тынъ,
Былъ длиннокудръ пустыни сынъ,
Нѣтъ! Но потому что римскіе купцы
Сходя толпой накрашенной въ Аидъ
Погибнувъ отъ обжорства лѣни и чумы
Смерть розную рожденіе сулитъ
Пустыни смолами надушенъ
Къ словамъ умри равнопослушенъ.
А путь туда широкъ и прямъ
Зовутъ избытки и заразы
— Тѣломъ лоснящимся и маслянымъ
Помощники неслыханнымъ напраслинамъ.
А путь сюда великъ и прямъ
И міра нашего властямъ

Становятся ненужными подполчные заказы
Посредствомъ юркихъ ходоковъ
На масло и на жиръ у римскихъ мясниковъ
На снѣдь горючую и гадкую
Въ ней мы по ученью мудрецовъ
Повѣрю я въ ученье шаткое
Печемся здѣсь въ смолѣ купцовъ.
По грудь сидя въ высокихъ бочкахъ
Въ своихъ неслыханныхъ сорочкахъ
Забывъ о битвенныхъ утѣхахъ
И о латахъ и доспѣхахъ
Не видя въ томъ ни капли толку
И тянемъ водку втихомолку
Ее приносятъ сторожа
Тайкомъ, украдкой и дрожа
Смущать подземное начальство
Они научены съизмальства.
Итакъ причина у войны
Одни весьма, весьма жирны
Товарищъ въ славѣ повѣствуетъ
Толпѣ сосѣдей и сосѣдокъ
Про утро нашихъ грезъ и суетъ
Что первый мой неясный предокъ
Сокрытый въ сумракѣ временъ
Былъ милъ и дикъ но не уменъ.
Рукой качаясь на сучкахъ,
Съ неясной думою въ зрачкахъ
Въ перчаткахъ бѣлыхъ на мѣху
Какъ вѣкша жилъ въ листвѣ вверху
Ѣлъ пестрыхъ бабочекъ и зерна,
Улитокъ, слизней и грибы
Онъ наблюдалъ глазами черными
Звѣздъ токъ, взобравшись на дубы
Ладонью пользуясь проворной

Для ловли, бѣга и ходьбы.
И вовсе былъ простаковатъ
Нашъ предокъ шубою косматъ.
Съ своей рукою волосатой
А все же имъ служи и ратуй.
Такихъ людей я съ ногъ сшибалъ
Одной угрозой темныхъ взоровъ
Сципіонъ. Ты правъ мой храбрый Ганибалъ
Они не стоятъ разговоровъ.
Нашъ міръ повѣрь не такъ ужъ плохъ:
Создавъ тебя, создавъ меня,
Создавъ двухъ трехъ веселыхъ блохъ
Совсѣмъ не тяжкая вина.
Ганн. Итакъ пути какой то стоимости
О слава! стой и мости.
Причина кость или изъянъ
Есть у людей и у обезьянъ
Ты вѣришь этой чепухѣ?
Ей богу, нѣтъ. Хе-хе!
Мы пляску ихъ, смѣясь, увидимъ,
А тамъ, зѣвая, къ предкамъ выдемъ
Извергло ихъ живое
И вотъ сюда явившись двое
Приносятъ копоти огни
Изъ новой истины клешни.
О тѣняхъ тѣни говорилъ!
Какъ много звѣздъ тамъ въ далекѣ
Послушай, осаждая Римъ
Себя ударивъ по щекѣ
Давилъ ты меньше комаровъ
Чѣмъ сколько смотритъ на насъ нынѣ
Къ ночной довѣрчивой пустынѣ
Созвѣздій пятенъ и міровъ
На римскомъ щеголѣ прыщей

Садится меньше и бѣднѣй
Чѣмъ блещетъ звѣздъ во тьмѣ ночей
И то чему свистятъ
И то чему всѣ рукоплещутъ
Не стоитъ много (образъ взятъ)
Когда кругомъ такъ звѣзды блещутъ.
Какъ два пѣвца, что за проѣздъ
До ближняго села
Разскажутъ вамъ теченье звѣздъ
И какъ устроена пчела.
Ихъ нимъ не будь ты такъ суровъ.
Смотри: Давилъ не столько комаровъ
Ты на пунической щекѣ
Какъ звѣздъ сверкаетъ вдалекѣ.
Но слышишь ходитъ кто-то
Въ рукѣ же древко дрота.
Святославъ. И снова межъ васъ пролетая
Вскрикну: Иду я на вы.
Горе: Кайма золотая
Обвила пространство главы.
Чело презиравшее нѣги,
И лобъ не знававшій словъ: страшно
Налили виномъ печенѣги
И пили такъ славя мной брашно.
Пугачевъ. Я войско удальцовъ
Собралъ со всѣхъ сторонъ
И несъ въ страну отцовъ
Плачь смерти похоронъ
Самко. Я жертвой былъ теченій розныхъ
Мои часы шли раньше звѣздныхъ.
Заведенъ людъ на часы.
Чашкой гибели вѣсы
Наклонилися ко мнѣ
Я упалъ по звѣздъ винѣ.

ЯНЪ ГУСЪ

Да, давно и я горѣли
И старѣе чѣмъ вселенная
Мутный взоръ (добыча хворости)
Подошла ко мнѣ согбенная
Старушка милая вся въ хворостѣ
Я думалъ у бабушки этой внучатъ
Много есть славныхъ и милыхъ
Подумалъ что міръ для сохи не початъ
И много есть въ стараго силахъ
Простота произнесъ я святая
То я подумалъ сюда улетая
Ломоносовъ Я съ простертою рукой
Пролетѣлъ въ умовъ покой.

РАЗИНЪ

Я полчищемъ вытравилъ память о смѣхѣ
И черное море я сдѣлалъ червоннымъ
Ибо міръ сдѣланъ былъ не для потѣхи
А смѣхъ не разлученъ со стономъ
Топчите и снова топчите мои скакуны
Враждебныхъ головъ кавуны.

Волынскій.
Знайте что новые будутъ Бироны
И новыхъ „меня“ похороны.

Ганнибалъ. Да, да: ты правъ пожалуй
Коперникъ добрый малый

Коперникъ. Битвы доля бойцу кажется
Лучезарной вмѣстѣ лучшей
Я не спорю. Спорить сердце не отважится
Враждовалъ я только съ тучею
Быть рукой судьбы ведомъ
Ходитъ строгимъ чередомъ
Ганнибалъ. Разъ и два, одинъ другой,
Тотъ и тотъ, идутъ толпой
Нагибая звѣздный шлемъ
Всякъ приходитъ сюда нѣмъ
Облеченный въ звѣздъ шишакъ,
Отъ усталый, тѣневой,
Невѣсомый, не живой,
Опустилъ на островъ шагъ
Ужель отъ Карловъ наводненіе
Ведетъ сюда всѣ привидѣнія
Вопль духовъ.
На островѣ вы. Зовется онъ Хлѣбниковъ.
Среди разъяренныхъ учебниковъ
Стоитъ какъ островъ храбрый Хлѣбниковъ.
Островъ высокаго звѣзднаго духа.
Только на поприщѣ острова сухо
Онъ омывается моремъ ничтожества.

МНОЖЕСТВА

Наши клятвы и обѣты
Клеветой замыла злоба
Въ бѣлый холстъ мы всѣ одѣты
Для побѣды или гроба
Иль невиданныхъ вѣнковъ

Иль неслыханныхъ оковъ
Какъ на островъ какъ на сушу
Погибая моряки
Такъ толпой взошли вы въ душу
Высшимъ маніемъ руки
Бесѣдой взаимной
Умы умы покоятъ
Брега гостепріимно
Вамъ островъ мой откроетъ
Голосъ изъ нутра души о духи вели-
кіе я васъ привѣтствую
Мнѣ помогите вы: видите, бѣдствую?
А вамъ я кажется съ родни
И мы на свѣтѣ вѣдь одни.

(Совѣтъ)

СТИХИ

ИГОРЯ СѢВЕРЯНИНА.

ПИСЬМО О. С.

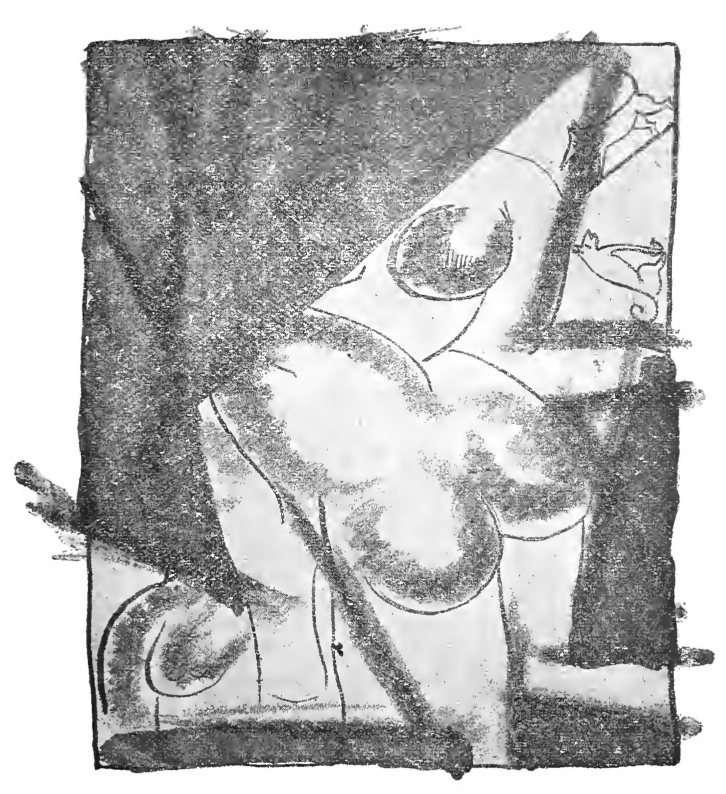
> Чѣмъ занимаются!... Чѣмъ занимаются!.. Это литература! Вокругъ—висѣлицы, полчища безработныхъ, убійства, невѣроятное пьянство, а у нихъ—упругость пробки!
>
> Левъ Толстой о „Хабанерѣ II“ Игоря Сѣверянина.

Въ году значительномъ —въ которомъ,
Въ граненомъ спорѣ съ Красотой,
Своимъ измозглымъ приговоромъ
Меня ославилъ Левъ Толстой;
Толстой, запрятавшій, какъ страусъ,
Къ себѣ, подъ старость, тонкій вкусъ;
Толстой, сказавшій, что Ратгаузъ
Моль Надсона—любимецъ музъ;
Въ году, когда, омолненъ трансомъ,
Въ безгрозье высилилъ я громъ,
Когда „возвратнымъ декадансомъ“
Мои стихи, своимъ перомъ
Оржавѣлымъ ихъ звонъ оскрипивъ,
Назвалъ критическій кретинъ,
Свершающій полеты выше;
Въ тотъ годъ, когда, на крикъ. рутинъ,
Душой еще не ожесточенъ,
Я усмѣхался и страдалъ
И примѣчательныхъ пощечинъ
Обставшимъ рыламъ не давалъ;
Въ тотъ годъ, вѣрнѣе—въ день изъ года
И въ часъ изъ дня, изъ часа въ мигъ
Со мной въ союзъ вошла Свобода
Въ гирляндахъ, тягостнѣй веригъ!

ПОЭЗА ВОЗМЕЗДІЯ.

Моя вторая „Хабанера“
Взорвалась, точно динамитъ.
Мнѣ отдалась сама Венера,
И я всемірно знаменитъ!
То было въ девятьсотъ девятомъ,
Но до двѣнадцатаго—дымъ
Все стлался по мѣстамъ, объятымъ
Моимъ пожаромъ золотымъ.
Возгрянулъ годъ Наполеона
(Вѣкъ Эхо громогласныхъ дѣлъ!)
Вселенскаго Хамелеона
Душа—безсмертный мой удѣлъ.
Издымленъ дымъ, и въ льстивый танецъ
Пустился міръ, войдя въ азартъ
Я—геніальный корсиканецъ!
Я—возрождённый Бонопартъ!
Но острава святой Елены
Мнѣ не угрозенъ небосклонъ:
Не мнѣ трагическіе плѣны,
Зане я самъ Хамелеонъ!
Что было въ девятьсотъ девятомъ
То будетъ въ миллiардъ второмъ
Я покорю міры булатомъ,
Какъ покорялъ міры перомъ!
Извѣчно странствуя съ талантомъ
По плоской плоскости земной,
Былъ Карломъ Смѣлымъ, былъ я Дантомъ,

Наполеономъ и собой!
И будетъ то, что было, снова:
Перо, булатъ, перо, булатъ!
Когда-жъ Земли падетъ основа
О, ужасъ!—буду я крылатъ.



Рисунокъ. Давидъ Бурлюкъ.

ЕЛАЧИЧЪ. ТОНАЛЬНОСТИ ГЛАСНЫХЪ.

Гамма	хроматическая:	ы ю у е о э я а е ѣ і и
		фа сол ла си до ре ми
Гамма	до-мажоръ:	а ѣ и ы у о я
	соль	у о я а ѣ и ю
	ре-	ѣ и ю у о я е
	а-дуръ „	о я е ѣ и ю е
	е-дуръ „	и ю е о я е і
	х-дуръ „	я е і и ю е э
	фисъ-дуръ	ю е э я е і ы
	ф-дуръ	ы у о э а ѣ и
	б-дуръ	э а ѣ і ы у о
	есъ-дуръ	і ы у е э а ѣ
	асъ-дуръ	е э а е і ы у
	десъ-дуръ	е і ы ю е э а
„	цесъ-дуръ	ю е э я е і ы
Гамма	У	а ѣ і ы ю е о я
	Ф	ы у е э я е ѣ и
	Г	у о э а е і и ы
	Скрябина	а ѣ и ю о э

Гип. А. Лавровъ и Ко.

СОДЕРЖАНІЕ КНИГИ: